

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ XXI ВЕКА

18+

Леонид и Владислав
ПИСАНОВЫ



ПРЯЯЗЫК
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА



Владислав Писанов

Праязык чловечества

«Издательские решения»

Писанов В. Л.

Праязык человечества / В. Л. Писанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567200-1

Слов в праязыке пещерного человека не было. Были устойчивые понятия, своего рода смысловые коды. Сначала коммуникативную роль выполняли только фонемы, затем они сложились в то, что мы сегодня называем слоги, те, в свою очередь, соединяясь, становились словами. Исследование показало, что метод, применённый для русского языка, легко приложим ко всем остальным языкам. Так авторы пришли к ещё одному доказательству моногенеза, подтверждая Библию: «На всей земле был один язык, и одно наречие».

ISBN 978-5-00-567200-1

© Писанов В. Л.
© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ОТ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО К ОСОЗНАННОМУ	8
НА ПОЕЗДЕ – В КАМЕННЫЙ ВЕК	9
ПРИВЕТ ОТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА	11
ОБЩЕНИЕ С ПРИРОДОЙ	12
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ	13
ПАМЯТЬ ЯЗЫКА	15
ЗАОДНО С ПРИРОДОЙ	16
ВНАЧАЛЕ БЫЛ ЖЕСТ	17
ОПЫТ – ПОПЫТКА	18
АЗБУКА ДО ПИСЬМА	19
ПОЧЕМУ ОКАНЧИВАЕТСЯ НА «У»?	21
ПОГОНЯ ЗА ДРЕВНОСТЬЮ	23
ЛИНГВА И КИБЕР	24
ЗВОНКОСТЬ – МЛАДШАЯ СЕСТРА ГЛУХОСТИ	26
ОСМЫСЛЕНИЕ ФОНЕМ	28
ВОЗРАСТ АРХИАЗБУКИ	31
КЛЮЧ К РЕСТАВРАЦИИ	32
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОНЕМ	36
СИСТЕМНОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ	40
СЛОГ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ЯЗЫКА	41
ПЕРВЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ ЛИНГВЫ	47
ГЕНОТИП – ПРЕДВЕСТНИК СЛОВА	49
КАЖДОЙ ФОНЕМЕ – СВОЁ МЕСТО	55
ФОНЕТИЧЕСКАЯ МЕТАМОРФОЗА	56
ФЕНОМЕН ДВУХ ЯЗЫКОВ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Праязык человечества

Леонид Петрович Писанов
Владислав Леонидович Писанов

*Болгарскому учёному,
академику, когнитологу,
исследователю-антропологу,
доктору педагогических наук
Александре Кумановой посвящается.*

© Леонид Петрович Писанов, 2022

© Владислав Леонидович Писанов, 2022

ISBN 978-5-0056-7200-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Анализируя родословную русского языка, авторы обратили внимание на то, что многие производные слова имеют звонкие согласные, например: меСТь – возмеЗДие. Задались и таким вопросом: почему слово КУПИТЬ выражает одно значение, а слово со звонкими согласными ГУБИТЬ – другое. Откуда это противопоставление: глухие и звонкие? Возможно, языковой мир когда-то состоял из «тихих» звуков? Сложность ответа на такой вопрос состояла в том, что невозможно охватить весь массив даже одного языка. Решено было за основу исследования взять как мета-язык – русский, родной язык исследователей.

Помочь лингвистам взялись учёные кафедры прикладной математики Южно-Уральского государственного университета. Программисты создали специальную компьютерную программу, в которую поместили весь объём словарей русского языка, более 500 000 слов. Итог эксперимента оказался поразительным! Когда компьютерный «мозг» выделил из всей этой словарной массы слова с глухими согласными, их оказалось только около шестисот. Все эти слова – из базового слоя, немотивированные и состоят всего из 12 фонем (букв). В этом словнике не оказалось фонем (букв) М и Р.

При замене глухих согласных звонкими проявлялось другое слово, но с известным понятием. Простой пример: слово ГУБЫ воспроизводит понятие КУПО – закупоривать.

Факты языка, лишённые напластований времени, стали своего рода протословами. Есть основание считать их артефактами. Так появился новый метод исследования языка и истории человека – АРХЕОЛИНГВИСТИКА, что схож с археологией, но – в языке.

Анализ базового лексического слоя показал: «алфавит» предков состоял всего из двенадцати звуков: гласные А, Е, И, О, У, согласные В, Л, К, Н, П, С, Т.

Слов в современном понимании в праязыке первочеловека не было. Были устойчивые понятия, своего рода смысловые коды. Сначала коммуникативную роль выполняли только фонемы, затем они сложились в слоги, те, в свою очередь, соединяясь, становились словами.

Исследование показало, что метод, применённый для русского языка, легко приложим не только к славянским, но и ко всем остальным языкам. Так авторы пришли к ещё одному доказательству моногенеза, пришли к общему языку человечества. Как бы подтверждая сказание Библии: «На всей земле был один язык, и одно наречие» (Быт 11:1).

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – Речь.*

Иван Бунин, русский поэт,
лауреат Нобелевской премии по литературе

РЕЧЬ. Откуда она родом? Из детства человечества. Утро Земли озарило всё сущее самыми разными красками, разными способностями. Волшебными руками эволюции созданы причудливые формы жизни. Одним дана – скорость, другим – сила, третьим – ловкость, четвёртым.... Безгранична эволюционная фантазия.

Откуда оно – **СЛОВО**? В лесу вы потеряли друг друга. И кричите «АУ-У-У!». Вы даёте знак для сближения. В этот момент вы говорите праязыком. Есть слова вместо имени: ТЕ, ТО... А ещё они означают: ТЕ – близко, ТО – далеко. КО (К) – направление движения, в английском GO (КО) – идти. Тоже праязык. Это были условные коды.

Условные коды всего Человечества.

Тогда не было ни наций, ни народностей, ни даже родов.

ОТ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО К ОСОЗНАННОМУ

Археоллингвистика – экспериментальная структурная разработка языковой модели в хронологической системе координат с определением относительного возраста каждой фонемы или группы фонем.

Дифференциация фонем по глоттохронологии предполагает дальнейшее проникновение вглубь языка, к его истокам. В этой книге археоллингвистика рассматривается в русле теории структурной антропологии.

Протолингвистика – как общее понятие доисторического языка, археоллингвистика – метод его исследования.

НА ПОЕЗДЕ – В КАМЕННЫЙ ВЕК

Язык – это продукт человеческой цивилизации и развивался он наравне с другими её сопутствующими атрибутами. Не мог язык сразу обрести когнитивную суть. Звук за звуком появлялись из века в век, которые человек научился различать и понимать из хаоса других. Только с этих позиций можно рассматривать этимологию слова, а не всевозможными манипуляциями сегодняшнего звукового состава. И те, кто хочет понять «древнее сказание», должен сбросить всякую сегодняшнюю моду и влезть в шкуру пещерного человека, чтобы понять его кругозор и взглянуться в его языковую стезю. Не может человечество обойтись без своей истории, а тем более – без истории языка от первого колена наших предков.

Есть такая шутка, но с особым смыслом: «Шли два поезда: один – синий, другой – направо». Этот смысл близок к официально признанному и применяемому принципу изучения истории слова нынешней языковедческой наукой. Натужный поиск этимона в разных языках нынешним алфавитом – езда в наугад.

Сравнительно-исторический метод, компаративистика не даёт полного понимания истории происхождения и бытования слова, выявляя лишь общую картину его распространения, так как рассматривает словообразование разных эпох.

Чувствуя кризис в этой области знаний, в конце прошлого века академик О. Н. Трубачев писал: «... И всё же сейчас, кажется, важнее обратить особое внимание на трудности раскладки „по полочкам“; порой превышающие саму надобность подобной раскладки. Поэтому уместно говорить о широте, о необходимости широкого (не узкопрофессионального) подхода. Меня поддерживает надежда, что только на этом пути можно обрести новизну и свежесть взгляда, которых иные скептики, похоже, уже не ждут от русской исторической лексикологии». (43.С.324).

Как видно, пессимизм живёт и поныне. Это можно увидеть в том беспокойстве, которое выразил в начале века языковед академик В. Н. Топоров в статье «О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа». Признавая заслуги в языкознании путём сравнительно-исторического метода, автор считает: «Тем не менее, при сравнении места, которое занимали этимологические труды в прошлом веке и сейчас, оказывается, что доля этимологии в лингвистических исследованиях в целом уменьшается в количественном отношении, но как бы в ожидании новой этимологической „волны“. Нечего и говорить, что проблемы этимологического анализа в современном теоретическом языкознании пока оттеснены на периферию. Было бы ошибочным считать такое положение случайным... Перед этимологией открываются два пути: или примириться с её всё уменьшающимся значением, или же разработать новые методы анализа, приведя их в соответствие с достижениями современного теоретического языкознания». (42. С. 19—40)

О составлении нынешнего этимологического словаря, он пишет, что каждый новый выпуск «...скорее отражает пройденный этап, чем настоящий, и сразу же по его появлении возникает необходимость или, по крайней мере, желание создать новый этимологический словарь».

Мы предлагаем такой словарь, который идёт своим – «третьим» путём, не в синем вагоне, и не направо, а в глубину истории, к началу начал человеческой речи. Археолингвистика – это, возможно, и есть новая этимологическая волна, способная открыть сокровище в исторической глубине языка.

Сегодня путь к историческому методу анализа языка «разобран», и вывешена табличка «Туда дороги нет». Научное сообщество, оказавшись в тупике компаративизма, решило, что нет такой «машины времени», которая бы позволила проникнуть сквозь тысячи лет назад. Многие поколения языковедов не заметили археологию в языке, но начали раскладывать

«по полочкам» звуковые ассоциации из разных языков: схожие – берём, а нет – в корзину. Схожих набралось столько, что хватило на целый фантомный индоевропейский язык! Лингвист Макс Фасмер называл его индогерманским языком, открывая политический подтекст использования науки. Сегодня мы имеем не этимологию, а сборник разноязыких, но искусственно оправданных по схожести слов. А что далее? Далее, как мы видим, тупик.

Выход из тупика академик В. О. Топоров видел в создании современного метода исследования слова, привлекая нынешние достижения в кибернетике. Отбор нужных слов из огромного количества лексем, установление их функциональных закономерностей в языке, обобщение и исследование семантических проявлений в привлекаемых словах, их анализ позволит перейти к моделированию словотворчества, сделать вклад в структурную типологию, что даст возможность не только определить этимологию слова, но и траекторию развития его в будущем. Это сродни «машине времени». Советом корифея языкознания удалось в определённой мере воспользоваться авторам этой книги. Таковой видится перспектива развития этимологической науки.

ПРИВЕТ ОТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА

Учёные-археологи и антропологи установили, что в каменном веке проблески разговорной речи проявились при появлении рудиментарных физиологических образований ротовой части человека, что способствовало появлению речи. В найденных самых древних черепках обнаружены отпечатки мозга, где был найден участок мозга, который служил разговорной речи – центр Брока, находящийся в задненижней части третьей лобной извилины левого полушария, работой которого обеспечивается моторная организация речи и преимущественно связанная с фонологической и синтаксической кодификациями. Представляет собой анализатор, в котором перерабатывается прежде всего проприоцептивная информация, то есть, управляет двигательной способностью языка, рук и ног... (Википедия).

В последних исследованиях института Макса Планка в Лейпциге, был установлен ген, отвечающий за разговорную речь у неандертальца. А речь – это уже человек. Эти исследования отодвигают рождение человека на сотни тысяч лет в глубину истории.

Общение обозначено временем, когда человек в отличие от животных стал не только использовать природные предметы – палки, камни, но и сам стал создавать орудия труда и охоты. Массовые находки рубил – заострённых предметов обработки шкур – находят на разных континентах, то есть схожая обработка их говорит о зарождении схожих мыслительных способностей, а они могут появиться только при взаимодействии людей друг с другом. Это был первый шаг к цивилизации.

За многие тысячелетия язык постоянно развивался, создавая всё новые и новые понятия вещей и явлений. Исследуя первородные звуки, предикаты, генотипы, форманты, лексемы или ещё как их ни назови, видишь бесконечную динамику превращений языка. Мощная энергетика движет и движет семантическое древо, создавая бесчисленное множество понятий, смыслов, подслов, оттенков созвучий и других неведомых звёзд и созвездий словесной мудрости, таинств и загадок. Разгадывать и разгадывать, черпать и черпать золотым ковшем из чистейших родников всемирной словесности истинно народного творчества дано нам, словофилам, на долгие-долгие лета.

ОБЩЕНИЕ С ПРИРОДОЙ

Среди разнообразия животного мира оказались существа, определившие средство общения через условные звуки. Они были мычащими, щёлкающими, свистящими... Они служили лишь сигналом к еде и опасности – живая азбука-морзянка. Этот первоязык был неандертальцем, австралопитеком, кроманьонцем, денисовцем... Но он уже был во всех этих образах, всем им подобен. Грубый, ещё не отёсанный временем, но он прокладывал млечный путь человеку сквозь бурелом стихий, пробивался к нам, нынешним, выкраивая из дикого хаоса звуков те сигналы, которые становились понятны другим подобным. Эволюция наделяла каждое существо собственным средством выживания, даже крошечные насекомые обретали собственные логические свойства защиты своей жизни и её продолжения. И нет ничего сверхприродного в обретении человеческим существом уникального средства жизни через звуковое общение, которое вело к осмыслению окружающего мира.

По нынешним представлениям официальной науки мерещится такая картина: однажды в уютной пещере один из её гениальных обитателей homo sapiens озарился идеей придумать звуки, из которых стали бы появляться слова. И придумал абвгдейку из 30—36 звуков. Так образовалась человеческая речь. Абвгд-звукам было придано графическое изображение: так появилась письменность. Вот и вся эволюция языка, как это представляется сегодня. К примеру, в слове «берёза» ищем корень так: берёза белая – значит «бе». Итак, сначала сочинили имя прилагательному, потом существительному. Такое «бе» мог придумать прапредок, лишь взглянув на блёклый сталактитовый потолок. Этот виртуальный «потолочный» творец языка – авторитет безусловный. Все вопросы к нему. И сегодня ищем праязык, составляя слова из этой пещерной искусственной азбуки. Но ведь это противоречит элементарной логике и просто эволюционному процессу.

Давит, давит на наше восприятие прошлого груз нынешних представлений! Мы приписываем свои понимания тем человеко-животным, что были у истоков языка. Но это были именно животные-прачеловеки, не имеющие представления обо всём, что их окружает. Они не понимали ни белого, ни чёрного... Их отношение к вещам те же, что и сегодня у собак, лошадей, обезьян... Мы говорим «древний» человек, но он ещё не был человеком, а сначала – просто животным, потом полуживотным, потом человеко-животным, дочеловеком... И, чтобы понять мир в различии и взаимодействии, ему требовались тысячи и тысячи лет эволюционного развития, чтобы образовать эту самую нынешнюю абвегадейку. Можно ли приписывать ему сверхъестественность? Если считать, что язык сразу явился человеку во всём его сегодняшнем прекрасном облики, с сегодняшней азбукой, то надо поверить, что первобытный человек возник с грамматической матрицей или подарен Богом.

Да, Библия говорит, что «вначале было Слово», но это не значит, что оно свалилось на человека в существующем ныне виде. Богом дан ДАР РЕЧИ, а вот, как воспользовался человек этим даром, мы и рассмотрим.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Экскурс в немую древность. У нас в руках... зуб мамонта. В намытом речкой песке заметили нечто квадратное и подняли. Тот самый с гребешком по верхней коронке, как и описано в статьях о строении зубов мамонта. И не в пустыне Калахари или Сахаре, а в уральской крошечной речушке Гумбейке после большого ливня. Здесь же нашлись два черепка от сосудов каменного века. На одном видны две глубокие бороздки, расходящиеся в стороны, вдоль бороздок ряд точек, другая с наружной стороны покрыта тонким светлым слоем. По структуре излома абсолютно одинаковые, как видно, из необожжённой глины. Не надо быть археологом, чтобы увидеть творения рук человека, и даже его эстетические посылы. Речка вынесла откуда-то из своих тысячелетних тайников и передала нам эти письмена из каменного века. Артефакты тоже умеют говорить. Невольно приходит на ум стихотворная строка Анны Ахматовой: «Бог сохраняет всё!»

Археологи и генетики по скудным остаткам человеческого прошлого бытия устанавливают исторические факты. Даже по одному мизинцу человека, найденному в Денисовой пещере на Алтае, учёные определили ещё один вид доисторического человека, до того неизвестный. Но пока что не найден ни один артефакт человеческой речи и вряд ли когда найдётся. И всё же, всё же, всё же... Бог сохраняет всё. Если человек владеет языком непрерывно тысячи лет, то, значит, и в речи сохранились лингвистические останки, скелеты слов, понятий, осколки древних смыслов. Ведь человеческое общение непрерывно, его траектория пролегает из глубин прошлого. Значит, и в языке есть не только новоделы, но и артефакты. Язык – это звуковой лингвослепок с человека. Он также преобразуется вместе и всегда. Генетическая цепь несёт в себе все те же признаки прошлой звукоформы и связанные с ней понятия. До наших дней должен доходить генофонд языка, закономерно преобразуясь с развитием человека. Как бы ни изменялся человек, начиная с прошлых тысячелетий, остаются главные составляющие его организма – кости. Бесхребетный язык давно бы рассыпался, но он продолжает быть.

И вся тайна нынешнего языка кроется в трёх десятках звуков, в которых и прячутся лингвистические артефакты. Логическая парадигма утверждает, что возраст всех членов алфавита должен быть разным, если абвгдейку не придумал смышлённый предок ещё в пещере. Но как определить возраст каждого осмысленного звука? Прямого ответа в науке мы не найдём.

Прошли тысячелетия, когда звук, произнесённый дочеловеком, стал для другого сородича также понятен. Например, он заметил в лесу пожар и прибежал в своё племя с криком «О!». Все поняли, что идёт пламя и успели спастись. Первый звуковой сигнал голоса, который стал понятен всем. Дочеловек стал человеком, потому что понял: пользу приносит не только его чутьё, зрение, слух, но и извлечённый ртом звук. Стали появляться другие звуки, понятные всем. Среди начинающего человечества нашлись смышленные сородичи, свои гении, которые поняли, что человеческий рот может не только есть, пить, но и издавать полезные звуки, они постепенно образовали речь, состоящую из одних условных кодов. Каждый звук приобрёл свою форму. Например, когда звук У означал приближение, для его произношения губы сужались. И, что важно, этот процесс сопровождался этим же звуком у всех человеческих существ планеты. Возможно, с помощью этого звука давали знать об опасности.

Другая конфигурация звука, например, О могла давать знать о пожаре. Ведь у любого человека этот звук вырывается инстинктивно при соприкосновении с огнём, при ожоге.

Отдельные осмысленно поданные звуки – это уже язык, но элементарно условный, только что ушедший на шаг от звериных голосов. Человек мог бы на этом остановиться, довольствуясь условными кодами, но зачаточная мыслительная деятельность, начавшаяся в период жестового общения, продолжала развиваться. Как же возникли из кодов слово, речь, язык? Самая сложная форма человечества.

Проблема кажется вечной, так как поиск истоков языка будет всегда будоражить научную мысль. Но в любом языке есть не менее загадочная лингвистическая головоломка. Учёные пришли к выводу, что в языке есть такие слова, что никак не объяснишь: откуда они взялись? Этот слой лексики назван «немотивированным». А слова-то все нашенские, ежедневные, из которых и состоит родная, коренная речь: рука, нога, стол, печь, пол, дорога, посуда, дождь, стена.... В общем, весь базовый язык оказался «немотивированным». Слово есть, а истоков его происхождения – нет! Звук – субстанция неощутимая, непредметная. Он появился и исчез. Только в известном романе путешественники нашли в северных широтах застывший во льдах звук. Когда лёд стал таять, то послышался чей-то разговор, оттаявшая речь. Но это только в фантазии писателя. В реальности, звуки прошлого ушли в небытие, как и весь разговорный язык людей – первообитателей Земли. А нынешнему человеку хочется услышать собственный первобытный язык. Как он начинался, каким оно было – первое слово?

Языковеды разводят руками: увы! Канули в глубины времени все праязыки, нам осталось то, что осталось. А имеем сегодня в тысячи раз больше, чем было. В этом ворохе слов должны сохраниться и те, которые вышли из пещерного времени – позднего палеолита.

ПАМЯТЬ ЯЗЫКА

В языкознании существует аксиома: языковая связь с первобытным прошлым безвозвратно потеряна, за пределами письменности начинаются гипотезы. Остаётся скептицизм в компаративистском поиске дальнего родства языков, остаётся утверждение, что устойчивая лексика является немотивированной. Однако любая аксиома должна подвергаться сомнению. Как говорил Галилео Галилей: лишь со смертью догмы начинается наука.

При всём богатстве и современном языковом разнообразии базовая лексика всё же сохраняет генетические признаки доисторического периода развития речи. Лингвисты С. А. Старостин и его единомышленники даже подсчитали, что часто употребляемые слова могут сохраняться узнаваемыми через тысячи лет, это – своего рода, гены языка. Задача заключается в том, чтобы найти надёжный критерий, чтобы выделить из огромного словарного состава те лексеммы, что несут в себе первичные формы и значения, чтобы реконструкт и реальность совпали. Возможно ли это? Да, возможно. Без утопий, фантазий и пустых гипотез.

Надо спуститься с небес нынешнего языка и до конца усвоить, что с сегодняшним упакованным лингвистическим багажом нельзя двигаться в его прошлое. Оно – другое. У него нет того, что мы впитали за многие тысячелетия. Человек по крохам оставлял звериные свойства и по крохам постигал природные законы. Не надо нынешние понятия втискивать в голову животного, если считать, что они не дарованы свыше – бессознательные, непонятные, странные, явившиеся из прошлого, но ныне всем понятные звуки. Надо искать их генетический базис в глубинах времён человеческого общения. Не придумывая, не приписывая им нынешние воззрения.

Чтобы понять мир в различии и взаимодействии, человеку требовались сотни тысяч лет эволюционного развития. Если считать, что язык сразу явился человеку во всём его сегодняшнем прекрасном облике, то надо поверить, что в пещерах обитали гении, придумавшие нынешний алфавит.

Апостол научного языкознания немецкий учёный В. Гумбольдт утверждал, хотя не в полной мере отрицая генетическое начало: *«точное и абсолютно полное описание языка, учитывающее генезис языка, практически недостижимо... истинные истоки которого скрыты от нас временем и не могут предстать перед нами во всех своих деталях, во всей своей полноте»*. (10.С.297). В какой-то мере он всё же допускал, хотя бы не в деталях, историческое исследование языка. Современные же технологии и уровень мышления позволили разглядеть даже детали.

Нынешние учёные, базирующиеся на прошлых догмах, дружным хором утверждают: никакими реальными свидетельствами того, как появились и какими были самые первые слова, современная наука не располагает.

И всё же такому заключению противоречит сам язык. Не хочет он быть Иваном, не помнящим родства, потому и сохранился благодаря генетической связи с предками. Если бы ничего логичного не оставалось от прежних слов и понятий, то это был бы совсем другой язык, точнее – не было никакого.

Язык-явление воспринимается как нечто сакральное, богоданное, так как его происхождение и структура трудно постижимые, «на уровне бессознательного мышления». Этот дар, полученный человечеством, фетишизируется, что мешает научному исследованию. Но если язык искать не на небесах, а понимать, что дар речи развил сам человек в его примитивном, полудиком состоянии, значит, надо искать тот самый примитив, который исчез в пучине времени.

ЗАОДНО С ПРИРОДОЙ

Разные теории происхождения языка, возможно, не стоит отвергать огульно. Каждая вносит частицу логического стройматериала. Есть гипотезы, основанные на фактах. Этологи утверждают, что если нынешние охотники издают протяжное У-У-У..., то на этот звук откликаются волки и идут на их зов. Таково сохранившееся звуковое общение с природой.

У-У-У для дочеловека стал означать сближение. Бессознательно или случайно подражая разным звериным призывам, дочеловек научился находить в этом свой «шкурный» интерес. Он побуждал повторять действия так же, как любое животное прокладывает тропинку туда, где находит пищу, а здесь сама пища приходила к его ногам. Так он мог стихийно двигаться к осознанию собственной выгоды.

Здесь появляется по Ф. де Соссюру «соединение смысла и акустического образа». Мышление начиналось с первых понятий, а не слов. Такое семиотическое воплощение явлений – шаг к человеку.

Подобные модели как бы подтверждают тезис автора исследования «Происхождение языка» С. Бурлак, что «*Ничего принципиально невозможного для природы в языковой человеческой способности нет*» [4. С.68]. Призыв зверей был как бы иконическим знаком, а призыв охотников – символом, перемещённым от денотата к вербальному воспроизводству. Семиолог А. Барулин считает, что символы берут начало от потребности начинающего человека: «*Один из важнейших промежуточных пунктов на этом пути – появление у Homo habilis способности и стремления приспособливать природную среду к своим нуждам и как следствие – способности к „обратному моделированию“*» [2. С.63]. От стимула – к символу.

Весь процесс возникновения речи сводить к подобным действиям – не объективно. Человек-животное был прямоходящим, имел свободные руки для действий и жестов, компактный орган – язык для создания разных звуков. Эти особенности строения могли выделить его из разнообразия живого окружения. Впрочем, об этом лучше прочесть в великолепной монографии Дерека Бикертонна «Язык Адама. Как люди создали язык, и как язык создал людей». Его теория – мощный слой, поднятый в раскопках речи проточеловека. Археологический поиск в лингвистике продолжается по его же завету: «*Конечно, воспроизвести языки Каменного Века не удастся, мы – люди, а они ими не были, но вам удастся установить предел того, что они могли достичь, и я готов поспорить, что в процессе всплывут новые неизвестные факты о языке*» [3.С.68].

И эти факты сегодня есть.

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ЖЕСТ

Льюис Морган в капитальном труде «Древнее общество», пишет, что возникновению языка звуков предшествовал язык жестов, он сослался даже на произведение философа древности Лукреция, где есть такие строчки: «... люди в самый ранний период своего развития сообщали друг другу свои мысли бормоча, звуками и жестами» V, 1021). Чем ниже мы опускаемся по ступеням развития языка к его наиболее грубым формам, пишет Морган, тем более растёт в количестве и разнообразии своих форм элемент жестов... [33. С.28]. Он считал, что человек осваивал звуковое общение примерно две трети своего существования на земле, а треть – развивал его. О зарождении языка с помощью жестов говорили многие мыслители Декарт, Руссо...

Французский исследователь К. Леви-Стросс и русский языковед Р. Якобсон являются авторами идеи возникновения языка как комбинации жестов и выкриков, которые превратились в фонемы.

Учёные Эми Поллик и Франс де Ваал, изучая жесты, пришли к выводу, что язык имел скорее жестовое, чем вокальное происхождение. Обезьяны, как заметили ученые, жестикулируют правой рукой, которую контролирует левое полушарие мозга. В том же полушарии у людей находится центр речи. Потом, когда области мозга во взаимодействии с языком, хорошо развились, люди стали переходить от символов к понятиям, развивать речь в геометрической прогрессии.

Последние выводы в исследовании нейрофизиологии человека также убеждают в том, что жест связан с речевой деятельностью.

Исследователь жестов обезьян и их взаимодействия с речью человека учёный Роджер С. Фоутс провёл важный эксперимент, который «...получил великолепное подтверждение, когда стал работать с детьми, страдающими аутизмом. Изучение шимпанзе и языка жестов позволило ему понять, что, когда врачи говорят о «языковых проблемах» таких детей, они в действительности имеют в виду проблемы с устной речью. Поэтому Фоутс предложил своим пациентам альтернативный канал связи в виде языка жестов – точно так же как в случае с шимпанзе. Методика оказалась исключительно успешной. Всего через полтора-два месяца общения жестами дети пробивали стену самоизоляции, и их поведение менялось до неузнаваемости.

Ещё более удивительным и поначалу совершенно неожиданным было то, что спустя несколько недель подопечные Фоутса начинали говорить. По всему выходило, что общение жестами инициировало возникновение способности к устной речи. Умение формировать точные жесты оказалось возможным превратить в умение формировать отчётливые звуки, поскольку и те и другие управляются одними и теми же мозговыми структурами.

«Всего несколько недель, – заключает Фоутс, – потребовалось этим детям, чтобы с успехом повторить эволюционный путь наших предков – путешествие, длиной в шесть миллионов лет, от обезьяньих жестов к человеческой речи». [48. С.16].

ОПЫТ – ПОПЫТКА

Принципы современных этимологических исследований разрабатывались во многих статьях академика В. Н. Топорова. Они не теряют своей актуальности, утверждая, что *«понятие окончательной этимологии для целого класса слов является иллюзией... К сожалению семантика этимологических исследований во многих случаях лишь «бумажная»* [41. С. 205—211].

Раздвигая горизонты исторического языкознания, он особое значение придавал развивающейся науке лингвистического моделирования на основе кибернетики, поиску критерия истинности в структурном подходе к этимологическому анализу.

Эти постулаты крупнейшего учёного-языковеда могут стать, своего рода, дорожной картой в переосмыслении многих аспектов исторического развития языка. Структурная лингвистика, типология, по теории Топорова, инициируют постановку новых решений: *«Каждый опыт – попытка такой встречи-соединения языка и смысла, каким бы неясным и приблизительным он ни был, уже означает победу...»* [40.С.13]. В своих статьях он неоднократно обращает внимание на словарный состав языка. Сегодня с помощью электроники выделяются в словах корни, суффиксы, префиксы, постфиксы... Но это лишь дробление слов в нынешнем формате с элементами субъективного толкования их структуры.

Парадигма диахронического исследования не может не учитывать совокупность всех аспектов базового состава языка. И здесь нельзя не отметить особенность сравнения славянских языков. Так в русском языке слова ОРАТЬ (пахать), ЛЕПОТА – глубокие архаизмы, но в болгарском и других славянских языках – действующие, современные. Значит, и в русском сохранились подобные архаизмы, пришедшие из доисторического коммуникативного прошлого. Эта особенность могла стать для французского лингвиста А. Мейе одним из аргументов, чтобы отнести славянский язык к архаичному типу. Но так как эта лексика представляет факт нынешнего словоупотребления, то лучше назвать их историзмами, по которым есть перспектива для поиска родословной языка.

Этимологический поиск определяет ещё один важный фактор. Не только у многих лингвистов возникает недоверие к капитальному труду М. Фасмера «Этимологический словарь русского языка», который почти всю родословную русской лексики сводит к глобальному заимствованию. Он как бы противоречит мнению А. Мейе, который также в капитальном труде «Общеславянский язык» делает один из выводов, что *«в славянских языках почти нет древних заимствований, если же они и делали такие заимствования из соседних языков в более раннюю эпоху, то установить их происхождение весьма трудно...»* [27.С. 396]. По мнению лингвиста В. П. Нерознака: *«Общеславянский язык предстаёт как верифицируемая языковыми фактами реальность»* [29.С. 26—43]. Всё это своеобразие даёт повод сосредоточить внимание на базовом составе славянских языков, и на одном из них – русском как метаязыке.

В лингвистике порой неисследованные субстраты или не замечаются, или искажаются их суть. Пример тому – берестяные грамоты. Если бы академик А. А. Зализняк не доказал закономерность разночтений в этих грамотах, так бы и считались их неведомые авторы малограмотными, пишущими с ошибками, и древнее письмо не получило бы ещё одну интерпретацию в историческом языкознании. [7.б.г. 2015—2017]. К примеру, «берестяное» слово КЕЛО – «цело» так бы и числилось как лингвистический неопознанный объект, но учёный извлёк его семантику из далёкого прошлого, чтобы показать то, что не всегда предки ошибаются, возможно, чаще – их потомки.

АЗБУКА ДО ПИСЬМА

Конечная цель этимологии не только установить язык прошлого, но главное – найти фонетическое начало языка, доисторическую устную азбуку. Остаются тайной две берестяные грамоты (две! – не случайность), написанные славянским языком, но в них имеется смешение глухих и звонких согласных. На это особое внимание обратил А. А. Зализняк. Возможно, за этим «акцентом» стоит диалект некоей местности

Диалекты живучи. На Урал из северных областей России два века назад были переселены деревни с окающим говором, но в них до сих пор «окают». Диалекты – есть лингвистические останцы какого-либо языка, не придуманы же они узкой общностью людей. Это лингвоохранилища, в которых сосредоточены б/у-словоформы. Но остальные слова – их ровесники – продолжают жить, иначе все языки окажутся бывшими. Как же определить возраст устойчивой лексики не от греческих календ, а от начала начал человеческой речи? Какие согласные появились раньше: глухие или звонкие? Или одновременно? Смешение в берестяных грамотах – может быть это признак завершающегося процесса трансформации раннего этапа языковой стихии, заката устной азбуки, которую именно письменность «устаканила». Все эти вопросы требуют ответа, который скрыт в огромном словарном составе языка.

Чем же не устраивает сравнительно-исторический метод? С его помощью строилась этимология прошлых веков, вплоть до наших дней. В разных языках находили близко звучащие слова, схожие и по смыслу. Обобщённый образ этой словоформы считается этимоном – первоначальным «зародышем» речи. Однако ещё в XIX веке многие учёные ставили под сомнение научную компетенцию этого метода. Он не мог обнаружить праязык, так как изучал языковую систему разных эпох и народов, а не эволюционное его развитие.

Язык как живой организм мог отразить свои особенности только в эволюционном конкретном развитии звукового и семантического состава. До сих пор сравнительно-исторический анализ истории развития языков не нашёл всеобщего признания, но не выходит из научного оборота, так как другого не существует, не оглянешься же в тысячи лет назад. Но раз уж нет фактоосновы, то будем создавать некий вербальный доисторический язык, сотканный из лоскутков разномыслия.

Исследователи последних веков пытались искать другие, «обходные» пути к протослову. Учёный Ренан утверждал, что законы языка, пришедшие из далёкого прошлого: *«Это уже не гипотеза, а факт очевидный»*. Далее он пишет: *«Так как произвол не мог иметь никакого места в изобретении и образовании языка, то потому не существует между нашими самыми испорченными идиомами ни одного, который бы не имел прямого генеалогического отношения к какому-либо из языков, коими говорили праотцы рода человеческого»* [33 С. 449—452]. В этом случае идиомами он считал те слова, которые потеряли связь с первородным значением и стали фактом современного языка, что наглядно демонстрируется во всём словарном составе. А если в целом, то всякое слово, потерявшее древнее значение – уже идиома.

Современные отечественные учебники по языкознанию как раз творят произвол, описывая процесс образования слова. Вот типичный образец научного объяснения профессиональными лингвистами происхождения слова, кочующий по учебникам языкознания. *«Значение корня „рук“ не разлагается, конечно, на какие-либо элементы. Нельзя ответить на вопрос: что означает „р“ в слове рука. По отдельности ни р, ни у, ни к ничего не „значат“, значение имеет лишь всё сочетание р + у + к»*. [26.Стр. 31)

Что значит: «ничего не значат»? Кто же слепил такие сочетания звуков? Кто поставил Р, а после У, потом К. Произвол авторов этой теории – да и только! Откуда такая массовая лепка слов: нога, голова, вода, дом...? Ответа наши профессионалы-языковеды не дают. Как хочешь, так и думай! Миф? Уход от ответа? А на ум приходит единственное объяснение –

мистика. Но учебники переиздаются с этой мистикой из поколения в поколение. Неприятие при прошлом режиме белоэмигрантов отрицательно сказалось и на научном взаимодействии с ними. Теория основателя фонологической науки князя Трубецкого Н. С. до сих пор находится в негативном поле русской лингвистики. Он считал, что минимальные звуковые единицы, выполняющие смысловозначительную функцию – фонемы. *«Слово – ряд фонем. Каждое слово выстроено с таким инвентарем фонем и в такой их последовательности, чтобы его можно было отличить от другого. Слова различаются составом и последовательностью фонем, а фонемы друг от друга – дифференциальными признаками». Фонема (Р. О. Якобсон) – пучок дифференциальных признаков. Каждая фонема отличается от всех других хотя бы одним дифференциальным признаком.* [44. С.6]

Всё ещё давит на российских лингвистов марксистское понимание языка. Маркс писал, что *«название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Поэтому объяснить производные, взятые в прямом значении слова нельзя: мы не знаем, почему нос называется носом, стол – столом, кот – котом и т. П.»* [35. С. 31]. Именно это «мы не знаем» – символ беспомощности науки, скреплённый авторитетами. Спонтанными или произвольными сочетания звуков не могут быть уже потому, что закономерность – основа функционирования и развития языка. Если бы не было системы образования первородных понятий, то речь не смогла бы состояться. Каждое слово сотворено по речевому закону, а не наугад и не своёвольно. Языковеды всех веков искали корни языка и находили остатки каких-то забытых закономерностей, преобразённые системы построения речи, типологические свойства фонем, их взаимозависимость с семантикой. Искали ту самую когнитивную суть, которая может вывести на сегодняшнее понимание доисторического языка.

ПОЧЕМУ ОКАНЧИВАЕТСЯ НА «У»?

Земля наша причудлива и даже фантастична. На планете есть немало пейзажей, которые легко можно принять за декорацию к какому-нибудь фантастическому блокбастеру о далеких необычайных мирах. Экзотические ландшафты радуют глаз и потрясают воображение, обогащая наш кругозор и расширяя представления о прекрасном. Одним из примеров необычных геологических образований, способных удивлять, являются так называемые *останцы*. Так именуют изолированный массив горной породы, оставшийся после разрушения окружавшей его ранее породы различными естественными факторами – выветриванием, воздействием воды и т. д. Таким образом, останцы – это отдельно стоящие скалы или огромные валуны, часто имеющие довольно причудливую форму. ОСТАНЦЫ. Так метко нарекли геологи дошедшие до нас свидетельства прошлых веков.

Точно также преобразовался язык человечества. Время причудливо преображало языковые формы в каждом сообществе, изменяя звуки, но оставляя коренную суть названия окружающего мира. Многие стали лингвистично непонятно, экзотично, бессознательно. Нам остались лишь останцы от далёких предков. Мы их не видим. Они скрыты новыми наслоениями, напластованиями. И тут нужны лингвоархеологические инструменты.

Никого не удивит, что изделие человека в виде большого ножа, скажем так, интернационально, имеет планетарный масштаб. Как до каменных скребков, так и до металлических ножей всё человечество додумалось самостоятельно и примерно в единый промежуток времени. Но, почему-то нынешнего академического лингвиста может удивить утверждение, что слова – меч (русское), мачете (бразильское), мессер (немецкое) – родственные, исходят из одного общего языка. Они донациональны, общечеловечны. Однако начинаются придумки о «заимствовании»: кто у кого взял данное слово «взаймы» и не отдал, выходит, похитил.

Поиск протолингвистических следов соотносится с идеями основателя структурной антропологии Клода Леви-Стросса, с его утверждением, что фонологическая система помогает вскрывать законы бессознательных явлений. Археоллингвистический метод способствует возврату утерянных первоначальных форм языковой структуры, подтверждает его слова, что в антропологии *«лингвист содействует решению проблемы, обнаруживая в современном словаре стойкие следы исчезнувших отношений»*.

Одним из главных направлений в структурной антропологии Клода Леви-Стросса является исследование бессознательных законов, которые управляют человечеством. К ним учёный относит и язык, речь. *«Прежде всего, почти все акты лингвистического поведения оказываются на уровне бессознательного мышления»*, – утверждает он и сравнивает раскрытие бессознательных законов социальной жизни людей с фонологическими законами языка, опираясь на теории лингвистов Н. Трубецкого и Р. Якобсона. [23.С.21]. Вот как об этом пишет Леви-Стросс: *«Фонология по отношению к социальным наукам играет ту же обновляющую роль, какую сыграла, например, ядерная физика по отношению ко всем точным наукам»*. В чем же состоит этот переворот, если попытаться выяснить его наиболее общие следствия?

На этот вопрос ответ нам даёт один из крупнейших представителей фонологии Н. Трубецкой. Он сводит, в конечном счёте, фонологический метод к следующим основным положениям: прежде всего фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их бессознательного базиса; она отказывается рассматривать отношения как независимые сущности, беря, напротив того, за основу своего анализа отношения между ними; она вводит понятие системы.

«Современная фонология не ограничивается провозглашением того, что фонемы всегда являются членами системы, она обнаруживает конкретные фонологические системы и выявляет их структуру; наконец, она стремится к открытию общих законов, либо найден-

ных индуктивным путем, либо, выведенных логически, что придает им абсолютный характер» [44. С. 243].

Обращение к языковому фактору в антропологии так или иначе ведёт к этимологическому поиску, что сродни археологическому. Если рассматривать язык как феномен природного явления, то в нём применим принцип феноменологического метода Э. Гуссерля: феноменолога не интересует та или иная моральная норма, его интересует: почему она норма? Перефразируя, можно сказать: этимолога не интересует слово как таковое, его интересует: почему оно стало словом, воплотившись в эту фоноформу? Почему оканчивается на У?

Каким же было слово – первородное? Конечно, непохожее на нынешнее, иначе бы учёные давно расшифровали родословную языка, но пока что ищут сходство слов разных языков, а это уже не совсем этимология, а больше сравнительное языкознание. В этимологии же нужна, своего рода, лингво-археология, начиная с забытого языка, который языковеды назвали «немотивированным слоем». Это самый употребляемый во все века и повсюду лексический фонд, без которого не обходимся ежедневно, ежечасно: рука, дерево, стол, слово, дом... Можно теоретизировать, фантазировать в словесной мишуре, препарировать, перекраивать слово, и даже приписывать ему всякую-на-всякую бесовщину, приписывать слову сакральный смысл и некую мудрость, ниспосланную из космоса. Но всё это – абракадабра. Заметим, что, если перевести это древнее слово на современный язык археолингвистическим методом, получим аксиому: пустотой не наполнишь пустоту.

Как и любая наука, этимология тоже должна опираться на его величество ФАКТ.

ПОГОНЯ ЗА ДРЕВНОСТЬЮ

В одной из статей академика О. Н. Трубачёва «Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода». [43. С 535] перечислены топонимы с именными названиями: Старицкая Плота, Ржавая Плота, Долгая Плота, Сорочья Плота, Гнилая Плота и другие. Далее автор пишет: «... *плот* «средство передвижения по воде», с дальнейшим родством с *плыть*, *плыву*, что, в общем, естественно для обозначения водного тока или *русла*». Если иметь в виду натуральный плот как средство передвижения по воде, то почему эти места обозначены именами? Плот, он в любом месте плот как средство передвижения. Каждому топониму своё обозначение Старицкая, Ржавая... Значит, это были места постоянных переправ через реки. А перебирались через реки не только на плотах, где можно было найти брёвна, но и вброд. ПЛОТ и БРОД. В чём единство разницы?

Учёный Эрнест Ренан в половине 19 века считал (и не только он), что гоняться за древней филологией не стоит, так как она ушла в недостижимое прошлое, но какие-то процессы, следы древних законов, которые действовали в пору зарождения языка в той или иной мере сохранились, и должны изучаться. Учёные-языковеды по самым древним письменным источникам, диалектам установили тенденцию восходящей звучности. Теория слогораздела была разработана Р. И. Аванесовым, однако все его работы и работы последующих авторов исходили из существующей грамматики и её особенностей, хотя они стремились анализировать и протославянские изменения внутрислоговой звучности.

Это наводит на мысль, что тенденция восходящей звучности в широком смысле идёт от начала образования языка, а до современности дошёл лишь её отзвук: МЕСТЬ – ВОЗМЕЗДИЕ. Так эмпирическим путём мы находим признаки прошлых закономерностей.

Как появилась пара ПЛОТ и БРОД? Бросается в глаза то, что БРОД – состоит из звонких согласных, а ПЛОТ – из глухих. Отсюда приходит мысль о том, что раньше БРОД назывался ПЛОТ, затем понятия и звучания изменились по закону восходящей звучности.

При каких условиях можно пройти по дну реки, не утонув? Только тогда, когда вода позволяет дышать, когда плотно закрыт рот – ПО ЛОТ, по рот. Все понятия исходили из свойств человеческого организма. Но звук Р в те поры ещё не был освоен людьми и звонкого Б не было. Потому и ПЛОТ. Это свойство «плотность» именно от свойства плотно закрытого рта.

Но почему в топониме утвердилось ПЛОТА, а не ПЛОТ? Очевидно, было окончание ПЛОТО, где О перешло в А. Есть с чем сравнить: ПЛАТО – ровная поверхность. Значит ПЛОТО – неглубокая ПЛОТНАЯ поверхность дна реки, которую легче перейти вброд. Это и обусловило присвоение каждому БРОДУ – своё название, а, как говорится, не зная броду, не лезь в воду. Возможно, первые звуки были глухими, тихими. Таким образом, мы перебрались на другой берег русского языка – от звонких к глухим согласным. И, чтобы разобраться, стали переводить современный язык на первородный. Но не сразу.

ЛИНГВА И КИБЕР

На основании учений о первоначальном истоке языка из семиотики жестов, и что звуковой язык отражение жестового американский учёный Роджер С. Фуотс сделал вывод, что и знаковый язык, и устная речь – в каком-то смысле формы жестикуляции. По его словам: *«Знаковый язык использует жестикуляцию руками; устный – жестикуляцию языком. Руки и пальцы останавливаются в определённых точках окрестности тела, тем самым порождая знаки. Язык совершает точные движения, останавливаясь в определенных точках ротовой полости, благодаря чему мы произносим вполне определённые звуки»*. [17.С.80—83]

Следуя этому выводу, была разработана система зависимости языка и ротовой полости при произношении смыслодержущих звуков.

Проанализируем уже известное нам, понятное всем междометие, существующее в разных языках: «АУ!», справедливо полагая, что это одно из первородных артефактов человеческой речи. В древнем праязыке зафиксировано *au – которое по смыслу этимологи поняли как «принимать во внимание». Здесь физиологически А даже не звук, а лишь забор воздуха в лёгкие. Звук У – в сильной позиции. В этой позиции он находится по сей день. И сегодня мы вполне понимаем семантику архаичного междометия: «Я здесь!» или «Иди сюда!». Звук У, таким образом, получил осмысление, он обозначил сближение, как бы повторяя артикуляцию человеческих губ. У всюду означает «узость», «сужение», «схождение».

Но любая теория должна опираться на его величество ФАКТ.

Можно ли пробиться сквозь напластования языка к его истокам? Леви-Стросс утверждает, что можно: *«Многие лингвистические проблемы могут быть разрешены современными вычислительными машинами. Если известны фонологическая структура какого-либо языка и правила, определяющие сочетаемость согласных и гласных, то машина легко могла бы составить перечень комбинаций фонем, образующих имеющиеся в словаре слова из слогов, а также перечень различных комбинаций, совместимых с определенной структурой языка»*. [23.С.62]. Именно этот путь выбрали авторы книги. Сделана попытка вникнуть в суть глоттохронологии практически, а не умозрительно. Опираясь на косвенные доказательства лингвистов, и по типологическим наблюдениям пришли к убеждению, что первыми в языке должны были появиться слова с глухими согласными, звонкие – производные: МЕСТЬ – ВОЗМЕЗДИЕ.

В лингвистическую сферу вошли учёные кафедры прикладной математики Южно-Уральского государственного университета: доктора физико-математических наук, декан факультета математики, механики и точных наук А. В. Келлер и заведующая кафедрой математического и компьютерного программирования А. А. Замышляева. Непосредственное участие в эксперименте принял кандидат математических наук, доцент М. Ю. Катаргин и его студенты. Была разработана программа на основе четырёх словарей русского языка Ожегова, Зализняка, Про-Линг и современного литературного.

Онтологическая сущность компьютерного лингвистического анализа заключается в том, чтобы найти структуру, определяющей древнее слово и определяющей ту, что существует в настоящем словарном составе. Из заданного множества слов кибер выдал результат, представляющий собой базовый слой русского языка. Выявил тот язык, которым обладал человек, возможно, задолго до нашей эры.

Здесь представлена часть словника около 400 слов: все они без звонких согласных. Сюда не вошли слова с неполным слогом, типа ЕЛЬ, ИСТИНА...

В – вал, валеk, валенки, валовая, валок, валун, вас, вата, веет, век, велено, велес, великан, вена, веник, венок, весело, веси, вес, весло, весна, весть, весь, ветка, ветла, вилка, вильнуть, вина, висеть, висок, витать, вить, вкупе, вкус, власть, вникать, внук, воевать, воег, воин, вол, волк, волна, волокита, волокно, волос, вонь, вопьется, вопить, воск, воспаление, воспи-

тать, восстать, восток, вот, воткнуть, впасть, впивать, вплоть, вповалку, вскинуть, вскипеть, всплески, вспотеть, вспять, вставка, встать, вталкивать, втулка, втуне, вулкан, вьётся, вьестся, вьявь.

К – как, калека, каление, калина, калитка, канава, канат, канва, канитель, канул, канун, капкан, капли, капуста, касание, катить, квакнуть, квас, квёло, кивать, кинуть, кипеть, кисель, кисло, класть, клевать, клевета, клеить, клеткот, клен, клепка, клетка, клик, клинок, клок, клокотать, клонить, клоп, кнопка, кнут, ковать, колено, колесо, колокол, колоть, колос, колосник, колотить, колпак, колун, колупать, конопатить, конь, копать, копить, копна, копоть, копье, косина, косить, косность, кот, котел, котловина, кстати, кто, кукла, куковать, кулак, кулик, куль, купанье, купель, купить, купно, купол, кусать, кусок, куст, кутать, кутёнок, кутить.

Л – лава, лавка, лаает, лак, лакать, лапа, лапти, ласка, латы, латать, лево, лента, лень, лепесток, лепет, лепить, лепта, лес, лесенка, лесь, летать, лето, лён, ливень, лик, ликовать, лилово, линька, липа, липко, лиса, лист, лить, лов, ловко, локон, локоть, лоно, лопата, лопатка, лопать, лопнуть, лоскут, лось, лук, лука, лукавить, луна, лунка, лупить, льнуть, льстить.

Н – навалить, навевать, навек, навес, навет, наволок, наивно, наискось, накал, накануне, накат, наклон, нанос, напасть, наповал, напуск, нас, население, насест, наставник, настал, настил, натек, натиск, наука, науток, невеста, неистово, некие, нелепо, ненависть, ненастье, нести, несусветно, нет, нива, никнуть, нова, новь, ноет, ноль, нос, носить, нукать.

П – пава, пакет, пакость, пал, палата, палка, паника, папа, пасека, пасовать, пасти, патока, паук, пекло, пелена, пена, пение, пень, пенька, пенять, пепел, пес, песни, песок, пест, пестовать, петелька, петь, пиво, пикнуть, писать, пить, плавать, плавка, плакать, план, планка, пласт, плата, платок, плато, плевать, плел, плен, пленка, плесень, плеск, плестись, плетень, плеть, плита, плоскость, плот, плотва, плотина, плотник, плотно, плоть, плут, пнуть, повеса, поветь, поволока, покато, поклон, покои, поколение, покупка, пол, полено, полет, поливать, полк, полка, полно, половики, половина, полое, полоса, полоскать, полость, полотно, полоть, полтина, понукать, попасть, посев, посол, после, пост, постель, постное, поступок, посул, потакать, потеть, поток, потупить, пульнуть, пуп, пуск, пуст, пустить, путно, путь.

С – саван, сало, сани, сатана, сват, свет, свист, свита, свить, свое, сев, секло, сел, село, сено, сетка, сетовать, сила, синева, скакать, скала, скалка, скат, скит, склон, скок, скол, сколько, скот, скука, скула, скулить, скуп, слава, слать, слеп, сливать, слова, слои, снасти, сник, снилось, снискать, снова, сновать, сноп, снос, со, сова, совать, совесть, совет, совок, совпасть, сок, сокол, соль, сон, сопеть, сопка, сосать, сосна, состав, спать, спасать, спелость, спесь, спина, сплав, сплетни, сплотить, спуск, спутник, ставни, стакан, стал, стан, ствол, стекать, стекло, стена, стлать, сто, сток, столп, столько, стон, стопа, стук, стул, ступа, суета, сук, сука, сулить, сунуть, суп, сустав, сутки, сутулость, суть.

Т – так, таково, таскать, те, текст, текстиль, тело, теленок, телеса, тень, тепло, тес, тесно, тесто, теть, тетка, тик, тикать, тина, тиски, ткань, ткнуть, тлен, ток, толика, толк, толпа, толсто, только, тонко, тонуть, топать, топить, тоска, тук, тулуп, тупик, тупость, тускло, тут.

Причём, все слова начинаются с согласного звука. Это очень важно, ведь гласные могли выступать лишь в междометиях, они не имели устойчивого смыслового содержания, и потому пра-слова не могли начинаться с гласных.

Учёные подсчитали, что, например, в русском языке только словообразовательным способом считаются мотивированными около 90% слов словарного состава и лишь для небольшого количества древних лексем установить мотивированную связь между означающим и означаемым не удастся. Именно эти – немотивированные слова в пределах этих 10 процентов и оставлены электронным «мозгом».

ЗВОНКОСТЬ – МЛАДШАЯ СЕСТРА ГЛУХОСТИ

Как видим, весь этот словник состоит из глухих согласных. Может возникнуть вопрос: разве согласная В – глухая? Во-первых, к звонкому типу её чисто теоретически отнесли лингвисты, то есть, её принадлежность относительна. В слабой позиции «завтра» она звучит глухо. Во-вторых, электронный «мозг» отнёс В к глухим – тоже аргумент, значит, она или пограничная, или появилась одновременно с глухими. Кто-то относит В к гласным звукам. Вообще, эта согласная «блуждающая»: Вавилон, Бабилон, Папилон. Что она пограничная, сказано А. Мейе близко к этой мысли: «*F в старославянских языках ещё не было, f произносилось как p. Но вследствие того, что славяне обладали соответствующим звонким v, было легко перейти к произношению f*» [27. С.38] Эта лёгкость перехода звонкой В в глухую Ф возможно и стала причиной отнесения В к обществу глухих согласных. А ещё и потому, что фонема В влечёт за собой слой с глухими согласными.

Можно полностью согласиться с поправкой рецензента, который в рецензии на предложенную авторами данной монографии статью «К дальнему родству языков» пишет, что наше отношение к фонеме В как глухой – сомнительно. В утверждение этой интерпретации можем сказать, что здесь нет намерения опровергать общепринятые определения. Здесь есть попытка, не разрушая стереотипы, дать другой, параллельный вариант, пусть даже вопреки общепринятому, сообразуясь с крылатым выражением от Декарта: «Подвергай всё сомнению!». И здесь допуск сомнения оправдан, так как в дальнейшем исследовании оно не уводит за рамки теории. В этом случае фонема В оставлена в обществе глухих, так же, как она оставлена в нём кибернетическим «мышлением».

Здесь есть подвод уместно то, что в этимологии нет точных критериев в любой интерпретации. Вот как в этом отношении пишет В.Н.Топоров: «*Если обратиться к аналогиям, то можно сказать: один вопрос к русской фонеме t, глухая ли она или нет, явно недостаточен для определения ее специфики; для этого следовало бы задать все возможные вопросы, применимые к t, и получить все ответы. Поскольку же в этимологии мы не всегда в состоянии задать все вопросы в отношении данного слова, у нас не может быть абсолютной уверенности в том, что этимология этого слова отражает именно данный исторический факт. Чаще всего мы вправе t сказать лишь то, что лингвистические данные не противоречат пониманию слова в свете таких-то историко-культурных фактов*». [42.С. 87]

Редуцированные Ъ и Ь рассматриваются как бывшие гласные О и Е, что давно доказано лингвистами.

При подсчёте фонем этого слоя, оказалось, что их насчитывается всего двенадцать: пять гласных А, Е, И, О, У; семь согласных фонем В, К, Л, Н, П, С, Т. В этом «автоматическом» словнике искусственного интеллекта не оказалось не только звонких согласных, но и «незаменимых» испокон веков согласных М и Р. Факт, не требующий доказательств.

Так что же сообщает нам эта дюжина без звонких согласных? Может показаться странным усеченный алфавит. Неужели в праязыке не было звонких? Как же без них языку?! Но этим вопросам противостоит контрвопрос: а как же могла появиться вдруг и сразу нынешняя азбука в раннем детстве человечества? Отринуть всякую эволюцию и заставить полудиках человечков говорить по-нашенски, словами, предложениями, с нынешним смыслом слов? Такая теория для детских триллеров, где даже звери говорят и размышляют по-человечески.

Рассмотрим примеры.

По-немецки: Rat – совет, ратуша,

По-украински, чешски: РАДА – совет.

По-англ.: Good – хорошо, по-немц.: thank – спасибо.

Идиш: [GUT] – хорошо,

Gott нем. – бог, god англ. – бог.

Палата рус. – ПО-ЛАТО – поладить.

Санскрит: R (A) TA – порядок.

По-русски: МЕ-СТ-Ь и ВОЗМЕ-ЗД-ИЕ.

Подобных примеров, где есть смешение звонких и глухих, можно привести множество, даже одной семантики и схожей фонетики. Откуда такой разноречивой среди глухих и звонких согласных? В языке случайностей нет. Какие-то из них должны быть ранние, другие – поздние. Кто старше Т или Д? Математический словарь даёт точный ответ: глухие согласные прапредки звонких. Да и простая логика антропологии подтверждает данный вывод: речевой аппарат человека развивался от простого к сложному, конструкция его не могла создавать звонких, более сложных звуков.

Не трудно убедиться, что мы получили минисловарь устойчивой лексики, бытующей в русском языке со времён немыслимой древности. Однако, несмотря на обособленность, этот лексикон вполне вписывается в речевую ткань даже нынешнего времени. Данные двенадцать фонем могут образовать, своего рода, средство общения. «К осени накосить сена»; «Стол стоит в углу»; «Луна светит в окно»; «На востоке светло» и т. д. Если таким количеством фонем можно общаться, то это уже средство коммуникации, то есть – речь, язык.

Таким образом, мы имеем дело с алфавитом из двенадцати эмбриональных фонем. Причём, многие корни этих слов имеют с местными изменениями в основных фондах других языков, значит, они общенациональные.

Доисторический устный звуковой алфавит должен был развиваться так же эволюционно, как и весь язык, он не мог состоять из нынешнего алфавитного набора. Двенадцать фонем немотивированной лексики в таком важнейшем лексическом факторе – слова, составляющие основу языка. Выделенный фрагмент словаря может быть уподоблен списку Сводеша, но – по фонетическому признаку. В славянском списке американского лингвиста мы находим лишь четверть из двухсот слов, состоящих из глухих согласных. Это соотношение примерно пропорционально общему количеству слов без производных.

Это математический факт точности в лингвистике, или, как называет академик Н. Н. Казанский, филологическая акрибия. Здесь нет какого-либо субъективного толкования: все поддается верификации, отвечает принципу очевидности.

Дюжина фонем прокладывает путь к дальнейшим исследованиям.

ОСМЫСЛЕНИЕ ФОНЕМ

Нельзя отрицать всю исторически сложную ретрансляцию звукового и семантического состава языков. Учёные-языковеды выявляли все хитросплетения во взаимодействии структурных составляющих словесных форм. Но все их научные выводы строились на фундаменте полного алфавитного состава. Малое количество фонем даёт уникальную возможность определить их древнейшие фонологические и структурные особенности вне зависимости от их положения в слове. То есть, здесь взят за основу как бы остов лексического контекста, абрис, модель, контур выхода в этимологию. А начало начал языков, атом слова – его фонема и квант её – семантическое отражение.

Прежде всего, ставится задача определить несущие свойства фонем. В этом аспекте теоретической опорой может стать учение философа, лингвиста А. Ф. Лосева. Его парадигма фонемы несёт убедительные доказательства этих свойств. *«Всякая фонема содержит в себе в свёрнутом виде бесконечный ряд своих творчески-жизненных воплощений... Жизнь немиллима без такого рода эмбриологии»*. В фонеме он видит не только зародыш, эмбрион «звуковых возможностей», но считает её «генератором или породителем» последующих звучаний. *«Нужно твёрдо помнить, что звуки, взятые сами по себе, тоже имеют свой собственный смысл, что им тоже свойственна смысловозначительная функция...»*. *«Иначе мы не будем знать, что звук «а» есть именно звук «а», а звук «б» именно звук «б». Если эти звуки являются для нас не просто беглыми неуловимыми, неразличимыми звуками сплошного речевого потока, но фонемами, то они являются и означающими и означаемыми одновременно. Поэтому удобно назвать такую дистинктивную функцию фонемы, именно первично-дистинктивной»* [25. С. 167—180]. Фонема подобно кванту содержит единственное значение.

Не соглашаясь в целом с концепцией звукоподражания фонолога С. В. Воронина и его последователей, находим соответствие с одним из его выводов: изменив артикуляцию, изменяем фонему, а значит – смысл слова. *«В неизменной артикуляции – источник произвольности, мотивированности фонемы как языкового знака»* [7. С. 244].

Интересные исследования в этом направлении ведутся в институте филологии Новосибирского отделения Академии наук РФ. Вот как отзывается по этой теме доктор филологических наук, заведующая фонологической лабораторией, профессор И. Я. Селютина на принцип археолингвистического поиска: *«С большим интересом прочитала Вашу статью «К дальнему родству языков». Не могу не отметить инновационный характер проведённого Вами исследования, предлагаемого «археологического» подхода к решению проблемы определения дальнего родства языков. Проведённый анализ позволил Вам прийти к теоретически значимому выводу о моногенезе языков, об общности их происхождения... Подтверждая вывод о вторичном характере согласных М и Р, приводите ряд примеров реставрации слов с заменой звуков М и Р архифонемами, то есть, глухими согласными, убедительно иллюстрируя процесс мутации, перекодирования. Нам близка Ваша точка зрения по поводу того, что звуки артикуляции следует рассматривать как генный код, а диалекты – это «лингвохранилища»*.

Далее речь идёт о том, что фонологи института развивают положение об Артикуляционно-Акустической Базе как принадлежности этноса, которая свойственна и языку, на основе новейших приборов томографии. Их поиск подтверждает данную концепцию о начальной фонетической природе языка. Сибирские учёные доказали, что Артикуляционно-Акустическая База сохраняет свою специфику ранней стадии формирования этноса, что позволяет реконструировать древнейшие этногенетические процессы, решать проблемы глоттогенеза. По их выводам: *«ААБ передаётся из поколения в поколение даже при переходе этноса на другой язык. Это свойство делает её надёжным информативным историко-лингвистическим источником»*, – утверждает профессор И. Я. Селютина.

Если проведём траекторию развития языка от настоящего к далёкому прошлому, то обнаружим онтологическую сущность фонем, их первородную основу образования. Как утверждал В. Гумбольдт, *«только действительный звук, сформированный материально (т.е. звучащая материя) составляет настоящий язык»* [10.С.316]. Фонема – продукт звука (Ж. Вандриес). Антропoфоническую природу изменений в языке подчёркивали И. Бодуэн де Куртене и другие.

Повторим ещё раз вывод Роджерса С. Фоутса: *«Знаковый язык использует жестикуляцию руками; устный – жестикуляцию языком. Руки и пальцы останавливаются в определённых точках окрестности тела, тем самым порождая **знаки**. Язык совершает точные движения, останавливаясь в определённых точках ротовой полости, благодаря чему мы произносим вполне определённые **звуки**».*

Приведённый пример со словами, включающими звук **У** – знак сужения, схождения, приближения. Сужение губ и есть жест сопряжённый с звуковым выдохом фонемы, содержащей семантическое начало.

Звук **О** также сохраняет семантику древнего междометия, имеющего смысл объёмности, обширности, а также символику чего-то необычайного, и вырисовывается лишь одним семиотическим абрисом: округлением губ. **О** и сегодня обладает свойством удивления, страха, боли. Этот звук мог быть предупреждающим при приближении, скажем, огня лесного пожара. С точки зрения эзотерики Е. Блаватская видела в **О** некий символ огня, плазмы, межзвёздной материи. Но больше всего **О** встречается как смысл образующий понятия объёма, окружающего пространства, предтеча понятия «всё окружающее пространство». При математическом подсчёте **О** по частоте на много опережает другие гласные. Самое примечательное, что во всех ареалах **О!** как междометие имеется во многих языках с вариантом **Oh**.

Звук **Е** стал означать движение соответственно продвижению языка вперёд. Присутствие **Е** в словах часто соответствует движению.

Звук **Т** – твёрдое прикосновение языка к зубам, он послужил осмыслению понятия твёрдости. По частоте эта согласная на втором месте.

Звук **В** – вхождение зубов в нижнюю губу, потому он стал приближаться к понятиям вхождения, воли. При произношении этого звука невозможно другое положение зубов и нижней губы, особенно при эмоциональном угрожающем всплеске.

Звук **П** сконструировали плотно сжатые губы, что само по себе создавало понятие плотности.

Звук **К** образовал смысл «касания», «приближения». Эту фонему В. Иллич-Свитыч назвал «направительной частицей в разных языках».

Звук **С** образован от стремления к соприкосновению: зубов и языка. Эта согласная опережает по частоте все остальные, возможно, потому, что участвует в самом раннем корнеобразовании собирательных слов: совет, сокол...

Звук **Н** связан с отрицанием «но» или «не», когда язык отрывался от нёба.

Звук **Л**, как видно, образовался вместе с понятием движения. Невозможно произнести звук **Л**, если язык неподвижен.

Это не умозрительные построения, а «звучащая материя» или «продукт звука» – онтологическая квинтэссенция.

Так звуки, издаваемые человеком, его эволюционирующим речевым аппаратом, обрели вербальность. Каждый звук утверждал свой смысл. Это свойство полностью отвечает теории о фонеме Н. Трубецкого и теории языкового знака А. Лосева. Неизменяемость артикуляции и семантических признаков каждой из 12 фонем приводит к зарождению речевой основы. Это уже не гипотеза, а абрис конструкции, где форма звука несёт в себе определённый смысл, сигнальная система, повторяясь в определённых ситуациях, становится коммуникативной.

Если считать, что современная речь изначально состояла из сегодняшнего письменного набора фонем, значит считать, что тысячи лет мы говорим по одному и тому же застывшему алфавиту, созданному неким сакраментальным гением. Нынешний лексический слой, когда по нему ищут протослова, порой создаёт путаницу между дописьменным языком и письменным, ведь последний формировался уже по относительно готовой матрице и не отражает начальную стадию становления человеческой речи. Но геометрия звуков, проходя по траектории времени, варьируясь и видоизменяясь, всё же сохранила свои первородные очертания.

Удивительно то, что те же 12 фонем составляют самый древнейший на земле живой гавайский язык, бытовавший изолированно от языков всего мира. Те же гласные и почти те же согласные, та же слоговая система, отсутствие звонких. Возможно – случайное совпадение. Возможно – нет. Но и иные полинезийские языки демонстрируют тот же факт: чем дальше от цивилизации, от межплеменных контактов, тем меньшим фонетическим инструментарием пользуются эти люди.

Глухие звуки, называемые нынче согласными, обретши смысл, могли передаваться самостоятельно, подобно щёлкающим языкам. Допустимо предположение, что нынешние щёлкающие языки – атавизм общего коммуникативного прошлого.

Генетически фонетический и семантический факторы передавались из поколения в поколение как наследие. Словарный состав, состоящий из 12 фонем, имеющий коренные отличия от общесловарного, вполне может считаться ядром древнейшего языка и приниматься за глоттохронологическую константу. Эта парадигма даёт основание назвать систему реконструкции праязыка протолингвистикой, а метод рассмотрения артефактов древнейшего слоя лексики – археоэтимологией или археолингвистикой.

Протолингвистика на фактах доказывает, что человек – конструктор собственного языка и аналитик собственного мышления, что человеческая речь формировалась с помощью мимики, жестикуляции и артикуляции, осмысливая издаваемые звуки с развивающейся одновременно аналитической способностью. В каждом звуке – эмбрион интеллекта, а не эмоций. На переход к слову могли уйти тысячи тысячелетий.

ВОЗРАСТ АРХИАЗБУКИ

Следующая задача – сделать попытку определить возраст «архиалфавита». Используя парадигму А. Мейе, рассмотрим 12 фонем общеславянского языка. Гласные А, Е, И, О, У он называет «древними», а семь согласных по его теории можно отнести к «старым», дифтонги и шипящие во всех случаях представляют новообразования. Конечно, его парадигма основана на глухих и звонких, но выводы дают достаточные основания для обособленности именно этих двенадцати фонем.

Попытку реставрировать праязык предпринял в XIX веке крупнейший языковед А. Шлейхер. Звуковой состав его праязыка составил 24 фонемы, но в число гласных он включил и дифтонги, если их убрать, а также звонкие согласные, то получатся те же 12 основополагающих фонем.

Не претендуя на всеохватность, используем основные положения о фонеме Пражской школы лингвистики. Семь выделенных согласных В, К, Л, Н, П, С, Т, учитывая выводы пражских учёных, вполне можно назвать «архифонемами». Именно этот термин и его значение соответствуют их сущности. Они отвечают всем требованиям функциональной системы языка, являясь его немаркированными членами, они не могут быть подвергнуты дальнейшему дроблению, здесь легко устанавливаются бинарные оппозиции: П-б, С-з, Г-к, Т-д – по глухости-звонкости, Л-р – плавные, Н-м – назальные, В-ф – губные спонденты. К какому периоду развития языка можно их отнести? Называя архифонемой, лингвисты Трубецкой и другие имели в виду, конечно, не их возраст, а особенность привативной оппозиции в том, что отсутствие, например, звонкости у согласных – есть признак их более примитивной природы [25.С. 44—59], а, значит, можно предполагать, наиболее раннего происхождения. А. Ф. Лосев пишет об этом конкретнее: «Архифонема отличается, очевидно, от фонемы меньшим количеством признаков и потому является более первоначальной» [25.С.117].

О древности 12 фонем можно судить по фонемам М и Р. Реставрация слов с заменой архифонемами даёт убедительные примеры их вторичности. Да и в бытовой практике именно фонема Р вызывает наибольшие трудности при освоении речи детьми, иным даже требуется помощь медицины – логопеда.

Как видим, учёные-языковеды не задавались целью определить возраст фонем, возраст алфавитного состава. Потому приходится искать косвенные признаки детства сегодняшнего языка.

КЛЮЧ К РЕСТАВРАЦИИ

Методика перекодирования

Методика реконструкции – не произвольное «составление форманта», не «вдохновенные манипуляции», а выверенная семантикой и фонетикой реставрация слова, цель которой найти древнее первородное понятие. Это делается не наугад, не спонтанно, а с помощью 12 звуков и древних фонетических законов.

Здесь мы выходим на уровень фонемно-семантической этимологии, которая даёт более точные и исчерпывающие результаты в сравнении со сравнительно-исторической методикой.

Реконструкция первородных понятий опирается на определённые правила. (Как же языку без правил!) Разработанная здесь методика, даёт возможность увидеть древнее преддверие слова – **понятие**.

Главное для современного исследователя – понять, что в праязыке не было слов, как таковых, а были только понятия. Слова появились позднее.

Понятие – обобщённое содержание свойств и функциональных особенностей разных предметов и явлений, матрица для слова. Слово – наследственное фонетическое название вещей, предметов и явлений, исходящее из понятий, несущее конкретное содержание этих свойств. Если сказать натурально, то однокоренные слова – это раздробленное понятие.

При разборе современных слов и понятий, необходимо, чтобы на воображение не давил груз сегодняшних представлений. Это нелегко, но иначе не постичь логику первобытного человека. Не следует забывать, что система семантически окрашенных знаков существовала в устном исполнении, вырабатывалась она тысячелетиями. Наивен тот, кто полагает, что в древнем языке всё так просто и примитивно. Устный, нигде не зафиксированный язык, передававшийся из поколения в поколение, с соблюдением правил и канонов, на огромном пространстве обитания племён дошёл до нас. И нам, потомкам, остаётся только удивляться и восхищаться этой семиотикой – уникальной способностью человека в знаках различать мир и давать им название.

Ключом в этот древний мир начинающего языка стала выработанная система определения понятий, когда слово рассматривается не по интуиции, без которой тоже порой не обойтись, а на основе единого для всей системы подхода.

Итак, фонемно-семантическая методика создания языка требует:

1. Вместо современного алфавита использовать только 12 звуков: А, Е, И, О, У и В, К, Л, Н, П, С, Т.

2. Замену звуков производить согласно таблице, где опытным путём определены типичные замены. Есть исключения, но они редки. Всё зависит от выявляемой семантики, логического факта.

3. Начало каждого слога должно начинаться с согласной, а заканчиваться гласной. Если нет таковых, то требуется подобрать по предполагаемому смыслу. В середине лексемы должны быть гласные Е, или О, или У, как исключение А и И. Избегать сдвоения как согласных, так и гласных. Полногласие для древнего человека – условие нормального дыхания.

5. При замене знаков, если не находится логический факт, то требуется использовать разные варианты, пока не появится смысл понятия, ориентируясь на таблицу замен. Фонемы М и Ж имеют не одну согласную на замену. Если, например, замена М на Н не даёт логического факта, то подбираем другую. Так в слове КАМЕЛ – верблюд вместо М ставим Н, что не даёт логического факта, то же и с согласной К. Замена согласной П даёт логический факт – КОРЕЛО – от понятия «копить». ГОРБ – КОЛО-ПЕ, где КОЛО – гора, ПЕ – знак: знак горы, его

особенность. Примерно так же, как мы подбираем одежду по росту: не подходит одна, берём другую, но в определённых пределах роста.

6. Можно попытаться искать аналоги в современном языке по смыслу или созвучию. Главным подспорьем в исследовании славянизмов, может служить словарь «Живого великорусского языка» Владимира Даля, в котором сохранены забытые значения древних слов, часто входящих в общеславянский лексический контекст.

Почему взят за анализ русский язык? Здесь нет стремления выпятить его как гегемона. Все языки равны без каких-либо преимуществ. Но для анализа русский язык имеет предпочтение перед другими в том, что он в основном сохранил полногласие – закон открытого слога. Вот как убедительно отзывается об этом А. Мейе: *«Индоевропейские согласные в славянском языке подверглись многочисленным изменениям в деталях. Но эти изменения не помешали сохраниться основе, скелету слова, где каждый слог остался невредимым. Это сохранение согласных в скелете слов, больше, чем что-либо другое, придает славянским языкам архаический вид»* [27. С.38]. Это замечание подтверждает то, что русский язык наиболее отчётливо выражает древние понятия, являясь наиболее ярким выразителем протолингвистики. Потому он взят в качестве мета-языка.

Там, где язык нарушал «закон», там оставил «закономерность несохранения». Например, все слова, начинающиеся с гласных, утратили тот согласный, который повторялся. В праязыке часто организация слова начиналась со слога КО, что выражало вторичный смысл, нынешнему – «как», «подобно»: КО-СТЕ – кости. Здесь не само СТЕ как общее понятие «постоянно-продолжительно», а к этому свойству примыкают предметы – КОСТИ, где слог КО вошёл в корень слова. Однако его производное ОСТОВ утратило К. Воскрешая прежнее понятие, подставляем утраченную фонему К – КО-СТО-ВО – к стоящему входить, оставшееся. ОБВАЛ – КОПО-ВАЛО – вал скопом, где КОПО – копить, скопленное.

Главная ошибка всех современных этимологов – подгонка этимона под современное понятие. Порой это трудно – не идти на поводу нынешнего мышления, но праязык тут не причём. Это касается и тех, кто, рассматривая любые исторические реалии, пытается обобщать их с нынешних позиций, это значит навязывать древним наше мышление.

Есть точно доказанный постулат: древний язык начинался с глухих согласных. Тысячи лексем, переведённых со звонкости к глухости, сохранившие семантическую суть, подтверждают этот тезис. Развитие языка шло при озвончении глухих согласных. Желание подогнать нынешнюю догадку по схожести с прошлой фоноформой – уводит этимологию в сторону от истины. Нужны варианты по семантической сути, так как язык ушёл далеко, на многие тысячи вёрст от своего древнейшего существования.

На семантику в этимологии обращал особое внимание В.Н.Топоров: *«К сожалению семантика этимологических исследований во многих случаях не более, чем „бумажная“ семантика»*. [40. стр.161]. Часто у этимологов идёт смешение времён. Например, называют предшественника слова по окраске, по цвету. Но различие по цвету человек стал обозначать много позднее. Эти названия происходили от характерного признака предмета, а не наоборот. Та же БЕРЁЗА от признака ПЕЛЕСО – пелена, береста, а потом «белый»? По словарю Фасмера, человек вначале должен усвоить цвет, а потом денотат. Это алогично. Цвет играл в жизни человека не главную роль, он был вторичным по ходу развития языка. Подумайте: как могли люди за 25 веков до нашей эры назвать самый яркий, самый блестящий металл, из которого начали делать удивительные украшения? Конечно, они его назвали солнечным именем: СОЛО-ТО – золото, а от него уже и название цвета появилось – золотой. Мы говорим: «жёлтый», а в Польше, например, говорят – злотый, а у англичан конечное Т превратилось в D. Впрочем, и английское GOLD мы можем читать аналогично ЖОЛТ – КОЛО-ТО – КОЛО – горячее, то есть солнце, у немцев – тоже: gold. Χρυσός грч. [chrysó] – золото: КОЛЕ-СО, то есть горячее.

Augur лтн. – золото: КОЛО. То есть золотой, солнечный. Здесь произошло образование разных понятий: и горячее, и круглое.

Перекодирование – это замена одного кода другим. Код звонкой фонемы заменяется кодом глухой, что не меняет, но расширяет смысл. Этот процесс подобен чередованию, но в хронологии развития. Так что термин «чередование» соответствует археолингвистическому методу, но в практике всё же происходит *замена* фонем. И это понятие взаимоприменимо вместе с понятием *перекодирование*. Процесс перекодирования и простой, и сложный. Замена звонких согласных глухими требует знания законов и правил, так как субстраты не совпадают со словами не только фонетически, но и семантически. Слово ГУБЫ имеют смысл конкретного денотата – губы, а КУПЫ – это уже общее понятие закупоривать. КОЛ для нас – заострённый предмет, а в субстрате это и кол, и гора, и глагол «колоть», и горячее, и нечто длинное, даже нога по-болгарски КРАК – КОЛОКО. КОЛО – в тюркских «чёрный». КЛЯТВА – КОЛОТО-ВО, ПРОКЛЯТ – ПРОКОЛОТ. Вот в какие дебри языка проникли корни КОЛО, в сугубо абстрактную, нравственную сферу.

Особенно сложна замена согласной М, так как она имеет не одну кандидатуру на замену. И здесь тоже есть своя закономерность: чаще М заменима Н в начале слова, реже – В, внутри слова может быть заменима на П. Здесь последнее слово за семантикой, только она может стать критерием точности перевода с древнего на современный.

Имея в виду закон открытого слова, в субстрате не может быть сдвоенных согласных, в основном между ними ставится гласная О, редко Е (чаще всего, когда подразумевается некое движение). На конце слова, если нет гласной – тоже приемлема О. Гласная И всегда заменима Е, так как Е старше И. Но И зачастую указывает на «сдвоенность», множественность. Сложная согласная Ж, так как она тоже имеет не один заменитель – З, П, Т, С. ЖУК – ПУКО – звукоподражание при раскрытии крыльев или внешний вид «выпуклости». ЖАР – ПАЛО – палить. ЖАТВА – КОСОВО – косить.

Порой субстрат выглядит странно, не совпадая с нашим нынешним представлением об образе слова. Но это потому, что мы привыкли к словам нынешнего алфавита, хотя и нынешние слова выглядят нелепо, как, например, слово ДОЖДЬ. Но мы привыкли к нему и не замечаем странности этой фонетики (см. «Архитектоника слова»).

Субстрат языка – древнее слово – имеет право на свою точность. Если в конце стоит, например, мягкий знак, то это должна быть фонема Е, и пренебрегать этим нельзя, так как без него смысл неполный или другой, например, слово СОЛЬ. Для чего здесь Ь? Без него будет СОЛО, что относится к солнцу, а ЛЕ – течение, движение, и здесь можно перевести то, что льётся. Но в данном случае ЛЕ – свойство растворяться. Или слово ЛЕНЬ – ЛЕ-НЕ, где ЛЕ – движение, НЕ – нет: нет движения. Без мягкого знака Ь – Е не обойтись.

Надо понимать и учитывать трудности обозначения вещей и явлений прапредками. Они, ведь, не мы.

Очень распространена взаимозаменяемость согласных С и Т. Так по-нынешнему суффикс НТ в словах разных языков означал преображённое НОСО – НОТО – НТ, континЕНТ – КОНО-ТЕНО-НОСО – конечный свет носит. В каких-то словах форманта НТ стала НД, в каких-то осталась только Н. Даже в самых ранних субстратах находим это окончание.

В древнегреческом языке есть слово SIN. Оно переводится как ТЕНО – свет, где фонема Т перешла в С, О утрачена. В слове СИММЕТРИЯ фонема Н перешла в М. То есть, закономерности преобразования субстратов всех языков одинаковые.

Но при всём при том, надо твёрдо знать и учитывать то, что в праязыке понятие обозначало общие свойства окружающего мира, а не конкретные вещи, не было имён предметов и явлений, они стали конкретизироваться позднее. Слог ЛО означал не только человека, но и всё живое, в том числе зверей. Таким образом, мы не занимаемся переводом с языка на язык, а восстанавливаем прежние очертания смылосодержащих звуков.

Праязык настойчиво твердит, что предметы и явления он постигал по функциональным свойствам, по особенностям проявления этих свойств. Так заднюю часть человека он назвал КОПО – скопление, горб верблюда – КАМЕЛ – тоже КОПЕЛО – скопление. В первом случае Ж заменила К, во втором – М заменила П. Все замены – типичные. Потом КОПО человека получило формы ПОПА и ЖОПА, ЖАЛО – ПАЛО – пал, огонь..

Эмпирио-компьютерный анализ замены существующих фонем на фонемы из 12 в составе словоформ выявляет систему чередований и имеет свою закономерность. Главным признаком подлинности найденного артефакта является семантическая обусловленность. Если смысл архислова отвечает нынешнему слову, то этимология состоялась, а если замена составила бессмыслицу, то следует искать другой вариант. Подгонка под приблизительное понятие уводит от истины. Часто фонетическая близость приводит к квазикогнатам.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОНЕМ

Здесь рассматриваются фонемы независимо от их позиционного положения в слове, в их «натуральном» выражении. Замена фонем происходила в ходе эволюционной протяжённости, и каждая замена имеет свой возраст, который невозможно определить, но некоторые замены дают представления о более ранних и более поздних периодах.

Перекодирование фонем **Н** на **В** – чередование внутри самой дюжины фонем. Можно утверждать, что эти первые замены произошли на заре становления языка. Понятие ВЕСТЬ произошла от понятия НЕСО-ТЕ – нести. НЕВЕСТА – от НЕ-НЕСОТО – не снёшшая, ещё не рожавшая. Сравните: շրիւնցնի арм. – harsnatsu – невеста, где НАТСУ – есть НАТО – НОСО – носить, СУ – приближение, к сносям.

SPONSA лтн. – СО-ПО-НОСО, где ПО – «постоянно» носит, СО-ПОСО-НОСО-ЛО – спонсор.

Японское – нуоме – НУОМЕ – невеста, нуусу – НУУСИ – весть. В обоих случаях есть понятие «ново».

Китайские [xīnniáng#xīnwén] – невеста и новость. Первая часть иероглифов одинаковая. Нельзя сказать, что это случайность! Единый смысловой принцип образования. Невеста – это новость или преддверие нового человека. А, проще сказать на современный манер – новое принёшшая.

БУЛКА блг. – невеста, годеница: ПУЛО-КО – к раздутости, к беременности, к родам.

К на **Г**. Слог КО в основном заменялся звуком Г, часто О упускалось, редуцировалось. ГРЕХ – КО-ЛЕКО – к лечению, к исправлению, здесь своя семантическая специфика – обобщённое понятие. А по-нынешнему – или грех или калека, что соответствует общему смыслу. ՇԱԼ ԵՇ арм. – sales, идиш – kalike. ГРЕВ мкд – грех, КО-ЛЕ-ВО. Легче всего этимологизировать слова с привативными оппозициями, когда заменяем звонкие глухими: ГУБЫ – КУПО, где КУ – сужение, ПО – поверхность. И, если замена даёт другую, но понятную перспективу мотивации, значит, найден этимон этого слова. КУПИРОВАТЬ – ограничивать, усекать какое-то пространство, что и выполняют губы. Фонетический образ слова из звонких согласных родился из более ранних глухих. BOGALI хрв. – ПО-КОЛЕ – калека. В разных языках больше наблюдаются корни КО-ЛЕКО – к лечению (в нынешнем смысле), КОНО – грех. В перекодировании заметно, что понятие и само слово КАЛЕКА более раннее, чем ГРЕХ.

М на **Н**, **К**, **П**, **В**, **Т**. Как видим, замена М на согласные той же дюжины, глухими.

М на **Н**. Более сложна замена М на несколько согласных. МЕШОК и НЕСОК – здесь очевидна замена по логическому факту. Но есть и более сложные МАСТЕР – НОСО-ТЕЛО. НОСО – носить. ТЕЛО – при озвончении ДЕЛО – носитель дела. Однако в слове образуется сочетание СТЕ – МАСТЕР – НО-СО-СТЕ-ЛО. Смысл усложняется: носитель длительно-постоянного дела, то есть профессионал. В значительной части лексики вместо звука Н усвоен звук М. Он стал незаменим и прочно вошёл в обиход речи.

Возьмём для примера древнее слово КОРОМЫСЛО. Ведь по-русски точно и ясно звучало КО-ЛО-НОСО-ЛО. КОЛО – в то время палка, кол, НОСО – носить, а второе ЛО означает «изготовлено человеком» или «принадлежность человека». Чем оправдана замена? Безусловно, тут повлиял массовый «омонимизм». Ведь понятие НОСО – носить – одно из самых распространённых. Так же, как и КОЛО. Но почему сочетание МЫ? Вероятно, другой звук не был близок по звучанию, чтобы передать понятие. Ы вышло из О стихийно. Так что очевидна закономерность: замена Н на М произошла в большинстве понятий НОСЕ, это ещё раз подтверждает тенденцию к замене тех звуков, которые встречаются наиболее часто.

Слово МЕШОК Фасмер и другие этимологи возводят к слову МЕХ. Но мешки изготавливали не только из шкур животных. Есть былинное выражение: «Ах ты, волчья сыть, травяной

мешок!». А откуда слово МЕХ? Почему оно родилось раньше, чем мешок? Пустой домысел. Логично заменить М на Н, Ш на С и получим слово НЕСОК, от ясного и логичного понятия НЕСТИ. На назначение мешка указывается и в других языках. ЧАНТА блгр. – КО-НОСО – к ношению. ВАГ англ. – мешок – ПОКО – покласть, поклада. TASKA венг. – мешок – таскать.

Слово МИГНУТЬ – НИК-НУТЬ, где НУТЬ – принуждение. Смещение М и Н имеются в новгородских грамотах 227, 1094. Библейское слово ЭДЭМ в большинстве языков, в том числе и в латинском – ЭДЕН. Таких примеров множество: КНУТ – КО-НУТО – к принуждению, ХОМУТ – КО-НУТО, ОМУТ – КО-НУТО. Слово МЕХ организовано методом отрицания НЕ-КОЛО – не колет.

Слово МАТЬ безусловно соотносится со словом НАТЕ – НОСЕ, это подтвердит любой компаративист, и значат они абсолютно одно: роженицу. Типичная замена привела к тому, что мамами становятся в натальных отделениях.

М на К. То, что М более поздняя фонема, доказывает её вариативность по замене другими фонемами. Таинство преобразования этой фонемы пока необъяснимо. Фонемы М и К разного способа образования: смычная переднего ряда и смычная задненёбная. Однако факт – вещь неоспоримая: КОЛОТИТЬ и МОЛОТИТЬ. Замена очевидна. Есть незаменимое слово МОРЕ и множество его производных. Подставляем П – ПОЛЕ. Здесь есть семантика, но другого понятия. Если ПО – пространство, поверхность, а ЛЕ – нечто льющееся, то МОРЕ тоже, что и ПОЛЕ (подробно см. ниже ПОЛЕ – МОРЕ).

М на В – интересная замена. Немотивированное слово МОЛОКО, подставляем К и П: КОЛОКО, ПОЛОКО – нет логического факта, мотивации. Подставляем В – ВОЛОКО. От понятия «волочь», функциональное значение. МОЛОКО – ВО-ЛО-КО – выходить к человеку или волочь (доить).

Фонема М заменяет и другие согласные: К – колоток [сл. Даля] – молоток, колотить – молотить. Любой из этих слов означает хозяйственную деятельность человека. Здесь мы сталкиваемся со своеобразием постепенного переоформления смысла. Ведь молотить зерно – не ударять молотом, другой процесс, и слово закрепилось за мукомольем. Мало того, вдруг появилась не молоньница, а мельница. Не молет, а мелет. У Даля есть такое выражение: «Мельница, для молотья муки». Трудно разгадать загадки словесного преобразования на протяжении веков. И всё-таки с определённой долей вероятности попробуем «разгадать» эту головоломку.

Мы уже знаем, что у слова МОЛОТИТЬ есть двойник по смыслу – КОЛОТИТЬ. КОЛОТ-МОЛОТ... Да и Владимир Даль подсказывает: «Колотокъ – один удар, толчѣкъ», «Бить, что колотком, поколачивая, постукивая». Выходит, молоток и колоток – один и тот же инструмент, молоток пришёл на смену колотку. Сначала колотили снопы – кольями, затем название стало отделяться соответственно изменению процесса, звук М пришёл на смену К – стали молотить. А уж молотить муку – это фонетическое отраженье совсем в другом процессе. Можно предположить, что МЕЛЬНИЦА – ПЕЛЕ-НЕСО, где ПЕЛЕ – пелена. Пелену несущая. То есть превращение зерна в другое состояние – расплющивание. По способу действия. МОЛИТВА – КОЛЕ-ТО-ВО то же что и КЛЯТВА – КОЛЕ-ТО-ВО. Близки по содержанию.

М на П. В диалектах слово СМАХНУТЬ говорят СПАНУТЬ. МОХ – ПОКО – покрытие. МАСЛО – НОСО-ЛО – носить, «сбивать» с помощью человека, процесс взбивания.

Л на Р. То, что Л – начальная согласная, а Р – поздняя – аксиома. В санскрите буквы **L** и **R** постоянно смешиваются. И доказательств в языках более, чем достаточно. Звук Р детьми осваивается с трудом, возможно, он ещё не вошёл в генетическую память человека. Во Франции, во времена Директории, вообще пытались уничтожить этот согласный из-за того, что его не все могли произносить [Ж. Вандриес]. Так и остался во французском Р грассирующим. Китайцы же совсем обходятся без этого звука.

Появление звука Р в славянском языке заметно изменило не только его общую фонетику, но и семантику. Возьмём, к примеру, слова КЛИК и КРИК. Явно, что второй вышел

из первого. ОКЛИК и ОКРИК, как видим, разница в звуковом и семантическом качестве слов: ОКРИК – громко, грубо, безоговорочно. ОКЛИК – слово с другим семантическим оттенком: просьба оглянуться, обратить внимание. На этом примере наглядно можно убедиться, как речь человека искала способы выражения адекватных сущности явлений. Звук Р придал понятию твёрдость, непререкаемость, и даже грубость. В то же время слово стало означать громкость, а это как раз в русле общего развития языка.

КРИЧАТЬ и КЛИКАТЬ, РОКОТАТЬ и КЛОКОТАТЬ, а также КЛЁКОТ – все они одного семантического гнезда – свойство звуков. Корень КЛИК есть во многих языках не только индоевропейского ареала, а КРИК – лишь в некоторых. В венгерском KLIKК, skrik норв. koik, КОИК – клик: замена Л на О – редкий случай замены согласной на гласную или Л исчезла, а было КО-ЛЕ-КО, де КО – к, ЛЕ – движение, КО – к кому-то. Clicar... gritar пртг. – кликнуть и крикнуть: здесь тоже ранняя Л и поздняя Р. Clic... strigă рум., КЛИСКА... skrika – швд, КЛИКНИТЕ... kričať слц. а hírek внг. – крик – весть. Слова КЛИК и КРИК явно не ровесники.

«Стал он кликать золотую рыбку». Пушкин часто употреблял слова древней лексики для колорита времени. Слово КЛИК чаще встречается в разных языках, нежели крик. КЛИКОНИ алб. КЛИК и КРЫК блр. КЛИК и ВИК блг. КЛИК и VIЇI бсн. КАНТЕ КЛИК и ΦΩΝΑΞΤΕ [kánte klik, fonáxte] грч., [klik и tsaka] иврт., [clic karen и chillao] хинди.

ТОЛКАТЬ – ТОРКАТЬ, КОЛОТЬ – КАРАТЬ... СОЛИТЬ и СОРИТЬ. СОЛИТЬ – СО-ЛЕТЕ с понятием «со-лететь», как видно, это начальное понятие любого подобного процесса, после перехода Л в Р – СОРИТЬ. Но сам процесс остаётся, хотя понятия разошлись.

РОТ – ЛОТО можно проверить словом ГЛОТКА – КО-ЛОТО-КО – ко рту, сюда же можно отнести и греческое слово ГЛОТТО – КО-ЛОТО-ТО – ко рото, ко рту туда. ЛОТОК – ЛОТО-КО.

Интересное слово МОРТИРА латн. фрнц, голд. Орудие для осады крепостей и разбивания стен. Замена М на К, Р на Л образует слово КОЛОТИЛО. Как видим, немотивированное, непонятное слово нашло мотивацию. Light англ. – свет, производное от этого слова bright – ярко.

Не является ли генетическим атавизмом соскальзывание М в Н в просторечном говоре трамвай – транвай, Р в Л – коРидор – коЛидор. Но никогда наоборот.

Ж на К, П, С (З) или Т

ЖИТО – ПИТО, ЖАТВА – КОСОВО,

Г на Р или Ф на П

В практике реконструкции фонем часто встречается заменяемость П фонемой Ф. Даже в словах раннего происхождения. Так слово ПЛОТ – равняется слову ФЛОТ, ПОРТ – ФОРТ, FIELD англ. – поле: ПЕЛО-ТО, где ПЕЛО – пелена. FÄLTET швд. – поле: ФЕЛО-ТЕТО – ПЕЛО-СЕТО. Если в слове First англ. (первый) поменять «Ф» на «П», получится слово, похожее на ПЕРСТ («один, как перст»). Из слова Flame («пламя») – получится ПЛАМЯ. Известное слово Fresh («свежий») соотносится с «пресный». Слово Flat («плоский») близко к понятию ПЛАТО. И от слова File («пила») мы получим знакомое слово «пила». Сюда же можно приложить как бы греческое «фара», которая преобразится в русский огонь – «пар-жар». Фаллос – палец и т. п.

Традиция 19-го века предписывала заимствованное Ф равнять с русским Т. Фёкла – Текла. Теодор – Фёдор. Точно так же Ф часто заменяет В. Такая вот непостоянная, ветреная фонема.

Корнями слов становятся КОНО, ПЕЛО. Chǎng кит. – поле: КОНО-КО. LAPANGAN малайск. – ЛОПОНО-КОНО. MERI фин. – ПЕ-ЛЕ – море, пелена: ПЕ-ЛЕ-ТО – поле, от понятия «покрытое продлённое».

И на Е. Не сложна этимология и с градуальными оппозицией. Например, ПИНОК – ПЕ-НОКО, где ПЕ – препятствие, НОКО – ноги. Е – более ранняя фонема. То же и ПЕНЁК – ПЕ-НОКО – препятствие для ног. Можно предположить, что слово ПИНОК возникло по «схеме»

ПЕНЁК. В то же время **ПНУТЬ – ПОНУТО** – понудить, насилие. **ПИСАТЬ – ПЕ-САТЕ**, где **ПЕ** – знак, **САТЕ** – садить. Садить знаки.

И на Я (ЛЮ). **ЗАПЯТАЯ – СО-ПЕ-ТОЛО** – с препятствием на дороге: здесь замена **Я** на **Е**. **ЛЮ** как замена **Ј**-тированного дифтонга будет рассмотрена ниже.

СИСТЕМНОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ

При реставрации слов типичной заменой звуков может служить эта таблица:

вместо А ставим О,
вместо Б ставим П, реже К,
вместо Г ставим К,
вместо Д ставим Т,
вместо Ж ставим П, или К, или С (З), или Т,
вместо З ставим С или Т,
вместо И ставим Е,
вместо М ставим Н или П, или К, или В,
вместо Р ставим Л,
вместо Ф ставим В или П,
вместо Х ставим К,
вместо Ц ставим К, или С или Т,
вместо Ч ставим К или Т,
вместо Ш ставим С или СТО,
вместо Щ ставим СТ или СТЕ,
вместо Ю ставим У или ЛУ,
вместо Ы ставим О или У, порой Е,
вместо Я ставим О или ЛО (ЛЕ),
вместо Ё ставим ЛО..

Слоги сто-сте-сту – образовались из со-то, со-те, со-ту, с утратой о.

Как видим, диапазон замен не велик, эволюция языка проходила бережно, сотнями лет меняя звучание устоявшегося семантического образования для придания ему дополнительного контекста. Замена звуков раздвинула горизонты применения средств выражения мысли. В то же время в речи сохранилась часть первородной фонетики, где понятия остались незаменимы. Озвончение в прямом смысле коснулось только четырёх согласных П, К, Т, С. Но в палитре тысяч лексем дало мощный толчок увеличению числа новых понятий, а затем слов.

СЛОГ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ЯЗЫКА

В процессе эволюции смыслообразующие фонемы образовали двоезвучия: согласный + гласный, что привело к системе. Здесь надо заметить, что гласная А – есть более поздняя замена О, так Е. Курилович, исследовав досконально гласные А и О, пришёл к немаловажному выводу: «Мы утверждаем, что соответствие южное «а» и северное «о» представляет собой развитие индоевропейского вокализма «о» [там же С.435]. Фонема И употреблялась вместо Е, а также в двойственном числе (ЛИК – лицо имеет две стороны). В списке из 12 фонем гласная И редко встречается в корнях слов, её вспомогательная роль отмечается А. Мейе.

В реконструкциях слов в основном встречаются три гласных О, Е, У в соединении со всеми семью согласными, что выявлено путём типологии и математического моделирования. Получилась такая система созвучий:

ВО-ВЕ-ВУ; СО-СЕ-СУ; ТО-ТЕ-ТУ; НО-НЕ-НУ; КО-КЕ-КУ; ЛО-ЛЕ-ЛУ; ПО-ПЕ-ПУ.

Эти первые звуковые конструкции стали унифицированной системой слоговой речи. Ограниченное число смыслообразующих звуков, схождение их в систему позволяло устному языку легко усваиваться поколениями и распространяться вширь. Полагаем, что такая слоговая система речи существовала целые эпохи. Семантика этих слогов дошла до наших дней.

Каждый слог получил определённый смысл:

ВО – вхождение, воля;

ПЕ – пелена, препятствие, защита, знак;

ПУ – раздутость, выпуклость, пустота, взрыв;

НУ – принуждение, произвол; произвольное движение.

СУ и КУ – признаки сужения, схождения. Позднее КУ – в разных языках получил также семантику «округления». Κυλήστε, κυλίστε грч. – катить, где КУ означает специальную зауженность, округление, ЛЕ – движение, СТЕ – постоянно-продолжительно.

КО – приближение, направление, а также – направленное движение. Orbis лат. – катить, КОЛО-ПЕСО- (ПЕТО), где КОЛО – круглое, ПЕ – знак, препятствие, ТО – далеко. Չրրրււ, glorum арм. – катить. КОЛО-ЛУНО или ЛУПО. Roll анг. – катить. Здесь сокращение – (КО) ЛО-ЛЕ – круглое двигать., [hitgalge] иврит – gal – КОЛО – круг, [goru] япн. – (КО) ЛОЛУ.

ВЕ – вращение, возвращение, вести, свобода в пространстве;

ТУ – тугость, связка;

ЛЕ – литься, лететь, продвигаться, то есть некое движение или протяжённость;

СО – совмещение;

ТЕ – указание на любой неизвестный предмет, на людей, животных. Прообраз английского определённого артикля THE.

ТО – отдалённость.

НЕ – отрицание

НО – этот слог имеет подспудный смысл: нет, но должно быть Этот смысл дошёл до нашего времени.

Здесь кстати сослаться на Аристотеля: «Слог определяется не как простое сочетание звуков, а как качественно новое образование». Этот этап вправе назвать слоговым языком, который мог существовать сотни тысяч лет.

ПО, где **П** – плотность, площадь, пространство, **О** – объёмное окружение. Этот слог вошёл во многие слова со смыслом продолжения свойств предметов и явлений: ПОСТУПЬ, ПОЛОЖЕНИЕ, ПОСОБИЕ... А также отражает постоянство ПОКРЫТЬ, ПОКОРНОСТЬ, ПОСТ...

Слоги **КО**, **КЕ**, **КУ**. Слог **КЕ** – создал немногочисленный ряд генотипов и слов. Он стал корнем понятий КЕЛЕ – крепость.

КО – этот слог играет особую роль. Его В. Иллич-Свитыч назвал направительной частицей во всех языках. Этот слог ещё был образующим новые понятия. Его можно по-нынешнему назвать как «подобие» или «как». Например, СТЕ – постоянно-продолжительно, КО-СТЕ к этому свойству: КО-СТЕ – КОЩА блг. – дом, КО-СТЕ – к постоянно-продолжительному свойству. КО-ЛО – к человеку, отсюда «колоть», HAND англ. – рука: КО-НОСО – к ношению. Но если есть направление, то оно подразумевает движение к чему-то. В англ. КО после озвончения GO – идти. Shko алб., Gå нрв., швец., [iku] япн.: идти.

Слоги **ЛЕ, ЛО, ЛУ**. Слог ЛЕ до наших времён дошёл как понятие лететь, литься, двигаться. Это первое понятие движения подобно языку во рту. ЛО – всё живое, человек, животное. ЛУ – то, что сужается, сгибается РУКА – ЛУКО.

В слоге **СО** сочетание двух понятий: С – совместно и фонема О – окружающее пространство. Этот слог со временем приобрёл некоторую абстракцию: стал означать «с окружающим пространством» или с воздухом. В греческом языке слог СО стал суффиксом: антропос. В образовании генотипа он стал, в основном, в соединении СО+КО – СОКО, где СО – с, КО – движение. И не случайно СО, так как: «с движением», а не само движение. Потому, что это медленное движение или какое-либо другое, необычное. СО не смешивает понятия. Это и стало подразумевать предметное понятие СОК – медленно текущий, сочиться. Яркий пример сотворения имени предмета из его свойства, состояния.

Как видим, дифференциация понятий шла с увеличением новых фонем, с обогащением алфавита, но коренная семантика слога продолжала формировать новые понятия, не теряя, а используя свойства гласных.

В русском словаре немалый пласт слов, начинающихся с гласных – результат простой утраты согласных. В праязыке слог КО играл роль подсобного составляющего при образовании нового понятия из предыдущего. Так КО-СТЕ создавало не само СТЕ – постоянно-продолжительно, а имело отношение ко СТЕ – то есть, «как» или «подобно». Это способствовало появлению нового смысла, а потом и слова. Но когда стали образовываться слова, то слог КО утратил свою роль, слово приобрело конкретику, имя собственное и уже не нуждалось в лишних фонемах. Но гласный сохранился.

Так у слов, начинающихся с гласной, утрачена первая согласная **К** в сочетаниях **КО, КОТЕ, КОПО, КУПО**, где **КО**, – отношение к чему-то: ОСТОВ – КО-СТО-ВО – к устойчивости. КОТО – толчок к движению: ОТ-КОЛОТЬ – КОТО-КОЛО-ТЕ. ОБ-ВАЛ – КОПО-ВОЛО – вал скопом, УПО-ВАТЬ – КУПО-ВОТЕ – вкуче, полностью войти (в положение). ИКОНА – ЛИКО-НА, ОРАТЬ, ОРО ст. слв. – пахать: КОЛОТЬ.

Из выведенных лингвистических универсальных законов лингвист Н. С. Трубецкой отдал предпочтение лишь одному, указав, что сочетание CV (согласный + гласный) является универсально допустимым для всех языков мира и что «язык без сочетаний типа „согласный + гласный“ немислим». [44. С. 278]. Р. Якобсон пишет об этом, как о константе: «Существуют языки, в которых отсутствуют слоги, начинающиеся с гласных, и/или слоги, заканчивающиеся на согласные, но нет языков, в которых отсутствовали бы слоги, начинающиеся с согласных, или слоги, оканчивающиеся на гласные». [50. С.4,62]. А. Мейе определённо говорит об общеславянском языке: «Слоги были открытыми, т.е. оканчивались на гласную; ни одно самостоятельное слово не имело на конце согласной... равно как удвоенных согласных не было» (27. С.18). Типология по методу археолингвистики также показала, что все формирования слогов начинались с согласных. Структура, лежащая в основе языка, не что иное, как дальнейшее развитие его семантической сущности через фонетическое совершенствование системы.

Лингвисты, в основном, так представляют историческую концепцию слога: В праславянском языке все слоги были открытыми и строились по восходящей звучности (т.е. в пределах слога каждый звук был более звучным, чем его «левый сосед» – предыдущий звук). Струк-

тура праславянского слога, кроме того, определялась тенденцией к гармонии слога по мягкости-твердости звуков (образующих слог), так что в пределах слога были возможны только два вида сочетаний согласного и гласного: или твердого согласного с не передним гласным или, напротив, палатализованного согласного с передним гласным. Указанные две закономерности в строении праславянского слога (восходящая звучность и сингармонизм можно интерпретировать как проявления одной более широкой линии развития – тенденции к консолидации слога. Такое развитие делало слоговое деление вполне чётким, а слог психологически весомой, почти смысловозначительной единицей. По-видимому, праславянский язык эпохи восходящей звучности и слогового сингармонизма какое-то время был на том «пути», который вел к слоговым языкам. Однако неизбежное ограничение количества допустимых слогов, которое сопутствует тенденции к консолидации слога, по-видимому, оказалось в противоречии с другой линией развития праславянского языка, особенно актуальной в конце праславянской эпохи, – в противоречии с потребностями в быстром росте словаря. Поэтому тенденция к консолидации слога в праславянском языке как бы отступила, и фонетическая эволюция пошла по другому пути (произносительная консолидация не слога, а слова).

Выше сказано, что слог стал «почти смысловозначительной единицей». Это «почти» здесь лишнее. На своём этапе бытования языка слог действительно был носителем смысла речи. Исходя из найденных 10 фонем Е, О, У и В, К, Л, Н, П, С, Т, образуем дифтонгические соответствия каждой фонемы. На основе типологии составлена таблица устойчивых дифтонгов или слогов, из которых складывались понятия. Две гласных не вошли, так как А – более поздняя заменяет О, фонема И означала двойственное число (впоследствии образовала множественное), она тоже заменяет Е. Получилась система параллельных созвучий из семи согласных и трёх гласных. Это и есть та модель, образовавшая структуру языка на втором этапе развития

Фонологическая структура языка, сочетаемость гласных и согласных наглядно определена методом археолингвистики. Эта система наиболее полно сохранилась в восточнославянских языках, в том числе – в русском. Тем же кибернетическим способом были выделены самые распространённые слоги, такие как ЛО, ТЕ, ТО.

Типовая семантика каждого слога помогла проложить путь к слову, проявилась чёткая тенденция к развитию и становлению славянского слогового языка подобно китайскому. Звуковые конструкции из 24 сочетаний стали бинарной унифицированной системой речи. Каждое сочетание уже несло новое, закреплённое за ним понятие. На уровне кратких понятий это уже было средство коммуникации, а значит, слоговой язык. Он, должно быть, существовал очень длительный период, так как мог удовлетворять человеческое общение. Только надо всегда учитывать давно ушедшие понятия прошлых лексем. Если бы нынешние понятия совпадали с доисторическими, то это было бы анахронизмом. Главное, не навязывать свои сегодняшние додумки, а подчиняться праязыковой логике, помня, что языки прошли тысячелетия его совершенствования.

Гадать и фантазировать в этимологии не научно. Потому главным аргументом при приближении к истине должны быть наглядные факты языка. Приводим дословно интересный доклад. Ярким подтверждением концепции единородства языков подтверждено вот таким исследованием:

Семантика слогов протоязыка универсальна

Доклад на Первом международном конгрессе «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура» Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, 12 – 14 мая 2008 года Елена А. Миронова, к. филол. н., доцент, «Organizmica», №2 (14), 2008 г. (Приводим часть доклада).

«Проведенное исследование выявляет совпадения в топонимах, отделенных друг от друга тысячами километров, а подчас океанами и материками, но, тем не менее, абсолютно иден-

тичных. Такое совпадение не может быть случайным и наталкивает на очевидный вывод – все перечисленные слоги принадлежали одному очень древнему языку, поскольку часть из них обнаружена во многих языках разных семей. Гипотеза о протоязыке, существовавшем во времена палеолита, слоги которого сохранились в географических названиях по всему земному шару, выдвинута нами на основе предшествующих исследований ученых-лингвистов, историков, археологов, эпиграфистов. По наблюдениям многих ученых, занимающихся топонимикой, в географических названиях Европы, России, Азии присутствуют части – слоги или форманты (по А. Х. Востокову), которые повторяются в разных языках с незначительными фонетическими различиями (в слогах между двумя согласными могут стоять разные гласные: каркър, кат – кот/сот), и обладают одной и той же семантикой. Так А. Х. Востоков выделил форманты га, ва, ба – в реках Сылва, Колва, Нева, Волга, Эльба, Лаба и т. д. а также сочетание дн. Перечисленные форманты в древности обозначали воду. Р. А. Агеева тоже обращает внимание на формант дн – как „дно, русло“ в названиях рек [1]. Слоги, о которых речь пойдет ниже, обнаруживаются не только во многих индоевропейских языках, но и в языках других семей – картвельских, уральских, семито-хамитских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, дравидийских. Следовательно, древность данных слогов бесспорна и ведет нас к гипотезе о существовании единого протоязыка, остатками которого и являются такие слоги».

Эти наблюдения безусловно подтверждают роль слогов в сохранившихся топонимах. Только их исследователи исходят из понятий позднего алфавита, в котором есть уже звонкие согласные. Так сочетание ДН соотносится с формантом ДОН, но при замене Д на Т появляется ТОН – ТОНО, что влечёт к понятию ДНО – признак реки – глубокая (ср. тонуть). Потому здесь не может быть понятия «вода», так как оно ничем не отличает объекты, вода она – кругом вода. Древние давали названия по особым признакам, которые отличают один объект от другого. ТО – указание на конкретику, НО – низ. Форманта НО и сегодня ставит утверждение с ограничением, с оговоркой ТОНО – означало «глубоко» – ТОНО, но затем «дно». Этим понятием «глубокий» было отмечено имя реки ДОН, в отличие от множества других рек и речек, Напоминаем: если бы нынешние понятия совпадали с доисторическими, то это было бы анахронизмом.

Как видим, наш язык мог стать слоговым и развиваться как слоговой, подобно китайскому. Но причиной поворота от слога к слову стала та же стихийная агглютинация, когда слог стал обрастать другими формантами, увеличивая этим семантический объём языка, дифференцируя явления, давая им новые понятия. Ускорение потока речи дошло до письменности, когда слились слова в предложения.

То, что существовал на земле слоговой язык, подтверждает чёткая значимость каждого слога в речи. Именно сложение семов каждого слога составили окончательную семантику слов. Каждый слог, его внутренняя семантика, определяет начальную сущность объекта. Одним из первых слогов, сохранившихся с начала начал человеческого общения есть предпосылки назвать слоги-местоимения ТЕ, ТО, ТУ. Фонема Т представляла понятие «точка». Е – движение. О – обширное пространство, даль. У – сужение.

Нынешние понятия не могут быть адекватными с понятиями праязыка. Во всех значениях должен присутствовать принцип относительности, коэффициент исторической отдалённости. Иначе смысл окажется искажённым. Объясняя сему слога нынешними понятиями, которые не могут в точности совпадать с доисторическими, где ещё велика была степень условности, искажаем суть естественного развития языка. Судить о языке с нынешних позиций – навязывать прапредкам чужое, непонятное мышление.

«Одушевлённый» слог ЛО

Открытие слоя языка из 12 фонем предполагает перспективы дальнейшего математического моделирования по принципу типологии – выделение слоговых сочетаний, которые образуют смысловые единицы, например, слог ЛО. Это звукосочетание имеет особое отличие.

Какой слог обозначил самого человека? Почему ЛО? Зесь можно только предполагать, что звук Л – продукт самого подвижного органа – языка. О – окружающее пространство. Возможно, это стало отличием человека от окружающей природы и «очеловечивание» этим символом другие предметы, имеющие свойства шевелиться. Потому и древние языкотворцы в наименование частей тела включали этот слог ЛО. Какие-то ЛО слышатся и сегодня: чеЛОовек, во-ЛО-сы, го-ЛО-ва, саЛО, ЛО-коть, ЛОдыжка, Лоб, затыЛОк, ЛОпатка. Заложим в программу слова, содержащие ЛО, РО, ЛЕ, ЛУ. Кибер выдаёт ещё: РЕбро – ЛЕПО-ЛО, нутро – НУТО-ЛО, кровь – КО-ЛО-ВЕ, ЛО-но – грудь. ЛУ-но – слово почти неизвестно, встречается в диалекте. Это понятие выражает как бы продолжение груди: живот и далее, У указывает на «сужение». Рука – ЛУ-ко – У сгибание. Око – ВО-КО-ЛО – около. Ухо – ЛУ-ко – уко, ухо, где У – сужение (ср. слух). Рот – ЛО-т. Горло – ко-ЛОТО-ло – ко рту. Гортань – коЛО-тоне. Глотка – ко-ЛОт-ка – ко рту. Плоть – по-ЛО-те. Пальцы – по-ЛЕ-ти. Борода – по-ЛОта – по рту. Бедро – пето-ЛО. Бровь – по-ЛО-ве. Колено – ко-ЛЕ-но, ЛЕ, там, где имеется сгиб. Плечо – по-ЛЕ-то, Ладонь – ЛО-тоно, Туло – туЛО, где «ту» означает тоже сужение в области поясицы.

Как видно, закономерность не случайна: ЛО, ЛЕ, ЛУ выражали одушевлённость, некую самостоятельность. Логично предположить, что древнейший человек воспринимал своё тело не целиком, а как «сообщество» многих живых существ. Так современный младенец рассматривает свои руку или ногу, не идентифицируя их с самим собой.

Кроме того, компьютерная программа выдала многие имена существ животного мира, содержащие слог ЛО. ЛОГОВО, где ЛОКО – зверь, ВО – входить; берлога – ПЕЛО-ЛОКО – укрытие зверя. ЛОКО ср. лохмато – ЛОКОНОСО – звероподобный. Белка, где ПЕЛО-КО – тоже покрытие, шкурка, название идёт от практической ценности зверя, а не от цвета.

Сочетание ЛО вошло в названия предметов, сделанных человеком. Эти вещи стали как бы его продолжением: кресаЛО, вес-ЛО, сед-ЛО, пряс-ЛО, ЛО-пата, ЛО-м, ЛО-дка, ветри-ЛО – парус, барахЛО – ПОЛОКО-ЛО (ср. «плохо»), кресаЛО, сЛОво, из берестяных грамот – писаЛО.

Слог ЛО означал всё стихийное, произвольное, что было отнесено к «живым» явлениям, то есть, и тут мы наблюдаем антропоморфизм: буря – ПУ-ЛО, пурга – ПУ-ЛОКО, пал (огонь) – ПАЛО, радуга – ЛО-ТУКО – живая дуга. Объект поклонения славян – СВЕТИЛО, в слове СОЛНЦЕ – СОЛО-НЕСЕ, где выпала вторая фонема О, а Л сохранилась. Здесь мы видим зачатки религиозно-мистического сознания, когда человек обозначает нечто «живое», действующее, но непознанное. Мы и сегодня говорим: светаЛО, упаЛО... Одушевление неживой Природы создала поэтику речи, что способствовало её развитию в сторону дальнейшего абстрагирования.

Сопоставляя семантику ЛО, получаем вывод: смысл перешёл на всё «живое», что стало ассоциироваться с человеком, животным. Так слог ЛО оказался во многих словах как лингвистический артефакт первого понятия человека, стремящегося найти различие в природе, окружающем мире. Отсюда в русском языке образовался и средний род существительных, так как вещи, сделанные человеком, и стихийные явления нельзя было отнести ни к мужскому, ни к женскому родам. Как заметил учёный-лингвист М. Погодин, в праязыке не было ни имён, ни глаголов, а был синтез понятий. Потому мы не находим в праязыке множественного числа «люди», только ЛО. Со временем где-то слог ЛО сохранился, где-то утрачен, где-то фонема Л перешла в Р. Лингвист А. Газов-Гинсберг заметил: *«плавные L и R чрезвычайно часто служат суффиксами в самых различных языковых семьях»*. Возможно, такая особенность обусловлена участием Л и Р в составе суффиксов и окончаний бывших ЛО.

Разные «расшифровывальщики» слов замечают, что в словах русского языка часто встречается морфема РА, приписывая этому «слову» некую египетскую магию (Бог РА). Так вот прямой ответ: РА это бывшее до озвончения ЛО, что означало «человек» или любое живое существо. Это самый распространённый слог в праязыке, который в одних словах остался в виде РА, в других – в виде ЛО, в третьих – исчез как лишняя фоноформа. Он не только обозначал самого человека, но и вещи, сделанные человеком: село, кайло, седло. В слове РАДОСТЬ – ЛАТО-СТЕ от понятия ЛАД, а СТЕ – постоянное продолжение, обобщённое понятие. РАДУГА – ЛО-ТУКО – живая дуга, но есть предположение, что начальное – КОЛО-ТУКО – огненная дуга, где КОЛО – огонь, начальное КО утрачено. А вот РАБОТА – ЛО-ПОТО. В то же время, инструмент ЛОПАТА – это сделанное человеком ЛО, плюс образ действия – «падать» или «подать». НЕ исключено, что ЛО-ПОТО от «человек пота», так как физической работе соответствует покрытие потом.

Человек шел трудной дорогой постижения мира. Он как бы просыпался в неизвестном окружении, где каждую вещь он видел впервые. Со временем он стал замечать некое сходство свойств собственного тела с окружающими предметами и явлениями. Например, звук П образовывался при плотно сжатых губах. Совпали звук и явление. Это совпадение можно перенести и на другие предметы, нечто тоже плотное. Создав звуки-понятия, он стал создавать слоги-понятия. Самым таинственным было всё живое. Каждую часть своего тела он стал изучать функционально, обнаружив, что части тела живут и движутся «самостоятельно». Потому он прибавил к каждому понятию человеческого тела двузвучие ЛО, будто отдельному живому существу. Это немаловажный факт понимания его восхождения от животного к человеку. Нам, сегодняшним, может показаться праязык непривычным, отличным от нашего, странным, порой не нашим. Но это и был не наш язык, а далёких предков, но наших предков. И понять их язык – благородная задача.

ПЕРВЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ ЛИНГВЫ

ТЕ и ТО. Во взаимодействии антропологии с лингвистикой антрополог Леви-Стросс стремился найти ответы на самые древние тайны взаимоотношения людей близкого родства. Археолингвистика приоткрывает завесу с помощью лингвоартефактов при перекодировании. Она идёт от сознательного к бессознательному и возвращает конструкт к осознанному. По типологическим признакам слогаобразование начиналось с дифтонгов ТЕ и ТО. В начале речи Т – твёрдая точка отсчёта, Е – движение. О – окружающее пространство, даль. Элементарная логика начинающего человека.

Слог ТЕ начинает многие слова немотивированной лексики. ТЕЛО, ТЕПЛО, ТЕНЬ... Термины начала родового общества сохранились как останцы переходного свойства. Нынешние местоимения ТЕ и ТО можно назвать как первое озвучивание родственных понятий, где ТЕ – более близкое, ТО – более далёкое. Реконструкция слов на основе метода археолингвистики возрождает стереотипы прежних понятий: ДЕДО – ТЕ-ТО, ОТЕЦ – КО-ТЕТО – к деду, ДЯДЯ – ТОТО, ТЁТЯ – ТОТО. Слово ТЁТЯ в разных вариациях, но сохраняет общую фонетическую основу во многих языках. РОДИТЕЛЬ – ЛО-ТЕ-ТЕ-ЛЕ, ДИТЯ – ТЕ-ТО, ТЯТЯ – ТО-ТО, ТАТУ (укр.), [tata] снкр. – отец.

Слоги ТЕ, ТО указывали на любой предмет: близко, далеко. Они стали на века местоимениями. И здесь кстати вспомнить утверждение В. Гумбольта: *«Представления о чисто местоимениях должны быть первоначальными в любом языке, и что представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно»* [10.С.113—114].

Слог ТУ состоит из Т – твёрдость и У – сужение. ТУМАН – ТУ-КОНО – сужение до конца. ЧУМА – ТУ-КО-НО- (СО), где слог ТУмог имеет смысл «неизвестности», «наваждения». ТУЧА – ТУ-КО (НО), ДУБ – ТУПО, как видим, крепкий дуб означал «тупой», значит, ТУПО означал твёрдость. Антитеза ОСТРЫЙ —ТУПОЙ появилась после изобретения острых орудий, которые тупились, доходя до степени крепости, дальше острый предмет не мог идти. Из дуба делали главную режущую часть сохи, которая называлась КОЛОТУП. Идиома «Через пень колоду». Начальная поговорка: «Через пень колотупом» (см. Крылатые фантомы) Подтверждают ДУБ – ТУП слова приближённого значения: СТУПКА, ТУГОЙ, СТУК – тоже может быть только при столкновении твёрдых предметов. ТУЛУП – ТУ – крепко, ЛУПО – сохранилось в понятиях «скорЛУПА», то есть оболочка. РУБАХА – ЛУПО-КО.

Слог ПЕ

Слог ПЕ— родоначальник множества слов. Он в праязыке имел следующие значения: ПЕ – преграда, пелена, переход, знак. П – плотность, Е – движение или распространение. Но нынешние понятия не адекватны древним. П ещё и препятствие. ПЕЛЕ – препятствие льющемуся, движущемуся, отсюда ПЕРЕ. ПЕРЕХОД – ПЕЛЕ —КОТО. ПЕЛЕНА – ПЕ-ЛЕ-НО (СО), ПЕНЁК – ПЕ-НОКО – препятствие для ног. ПРЕГРАДА – ПЕ-ЛЕ-КОЛОТО, где КОЛОТО – городьба: здесь ПЕРЕ как пелена. Переход ПЕРЕ в ПРЕ создало новое понятие – преодоление препятствия. ПЕЩЕРА – ПЕ-СТЕ-ЛО, где ПЕ – прикрытие, СТЕ – постоянно-продолжительно, ЛО – для человека или животного. ПЕТЛЯ – ПЕ-ТЕЛО – петля широко применялась в ловле зверя, но ТЕЛО в неживом состоянии превращалось в ТЛО, а потому ПЕ-ТЛО, то есть это состояние несло смерть человеку или животному. ПЕНСИЯ – ПЕ-НЕСО-ЛО, где ПЕ – «помощь», нести человеку. Нынешнее понятие «знак» применялось с тем же слогом ПЕ. ПИСАТЬ – ПЕ-САТЕ – садить знаки. ПЕСНЯ – ПЕ-СЕНО то же ПЕ-ТЕНО – светлый знак. ЗАПЯТАЯ – СО-ПЕ-ТОЛО – с запинкой дороги, где ТОЛО – дорога.

Слог ПЕ играл особую роль во многих языках. Он выполнял роль обобществлённого понятия. PINE англ. – сосна: ПЕ-НЕСО, где ПЕ – препятствие, колючесть.. MäNTY фин. – сосна. Фонема М – поздняя, заменяем на П, NTY – НОСО – нести. Т бывшая S: ПЕ —НОСО,

Фоноформа NT вошла в корень слова. Начальная словоформа понятия сосна PENT. Затем фонема П заменила более поздняя Ф. ПЕНО-ЛЭНД – сосновая страна.

ГЕНОТИП – ПРЕДВЕСТНИК СЛОВА

Для нас, смотрящих на язык свысока, он может казаться смоделированным. Но когда углубляешься в его давние напластования, то начинаешь улавливать сложные повороты на пути к слову. Сдвоение слогов не сразу определило их чёткое взаимодействие. В начале агглютинации слогов стали появляться универсальные понятия. Их было не много, но они охватывали по схожим свойствам большой круг явлений, и становились главной частью контента, образуя корневую часть слова. Эти слова-предикаты создавали семейства разных, но единого родства слов.

Сдвоение слогов, приведших к слову, та же агглютинация. Вот наглядный пример сотворения слова-генотипа, а затем его семейства КОТО. Он имеет смысл приближения (ко мне, к чему-либо), а ТО – означает отдаление (ТОЛЕ – даль, ТОЛЕНА – длина, долина, ТОЛО – доля, толика – долька). КО+ТО образуют КОТО – одновременное понятие приближения и отдаления. При замене К на Х, Т на Д – ХОДО, нынешнее слово ХОДЬ – ход. Таков эволюционный путь этого ходового слова. Первоначальный генотип КОТО вошёл во многие смысловые конструкции языка. Так, разделились понятия: НОГТИ (у людей) – НО-КОТЕ – не ходить и КОГТИ (у животных) – КО-КОТЕ – к ходьбе. От понятия КОТО образовались слова: ГОД – КОТО – ход, ПОГОДА – ПО-КОТО – «полная» ходьба, поход и НЕПОГОДА – НЕ-ПО-КОТО – «не походишь».

Термин КОТО – ХОД – знаковый. Передвижение – это одно из первых явлений, которому человек должен был дать название. Производное КАТИТЬ или КАТАТЬ могло появиться даже до изобретения колеса, когда приходилось перекатывать брёвна, валуны. ХОТЕТЬ – семантическое ответвление, порыв к какому-то действию.

Это начальное действие КО-ТО – ходить приобрело в разных языках единое начало. Вот известный английский глагол движения: ТО GO – ТО-КО – идти, то же КОТО – только ТО – впереди.

Слог КО имел смысл направления куда-то, но и подразумевал движение, иначе, зачем он? И это КО вошло во многие языки как понятие «ходьбы». Слог ТО (в англ. артикль to) – не есть принадлежность движения, а имел смысл направления в даль, некое понуждения, приложения. Потому КО образовало самостоятельное понятие «ходить».

Казалось бы, слово ХОДИТЬ в разных языках имеет различную фонетику, но при переходе на праязык находятся одинаковые корни, в которые входит смысловой слог КО.

ANDAR галлис. – КО-НО-ТОЛО, КОТАШ горнмар. – КО-ТО-СО, GANG дат. – КО-НО-КО, НАМДА зулу, – КО-НО-ТО, GANGA ислнд. – КО-НОКО, САМИНАР исп. – КО-ПЕ-НОЛО, НАМБАНТ коса – КО-НОПО-НО-СО, ГАЙТА лтш. – КО-ТО – ход, staugāt – СТО-КО-ТО – от стояния идти, трогаться – ТОЛО-КО-ТЕ, գիւնայա. Քալիլ, kailel арм., գիւն – КО-ЛЕЛО – ходить... Гудж. [chalo] – КО-ЛО, GO – норв., швц. – GO – КО. Κοινήσου греч. – ход, кхм [COR] – КО-ЛО – ходить.

В этой расшифровке нет какой-либо подгонки, всё соответствует реконструкции на основе начальной азбуки. Только в каждом нынешнем языке имеется фонетическое своеобразие. Но сам факт схожести образования говорит о многом. Это говорит о едином источнике одного из самых начальных понятий – ХОДИТЬ, которому необходим был термин. Это не случайность, а факт.

Откуда слово ИДЁМ? В босн. Idemo – идти, ходить. В языке нет немотивированных, произвольных понятий, а значит, нет таковых слов. Здесь мы можем осознать склонность к переходу гласных О в И. Как это наблюдаем в украинском языке ХОД – ХИД, но ХОДИТЬ. ИДТИ – добавляем Х и заменяем И на О. получаем ХОДТИ или ХОД-ТЕ, где ТЕ более ранняя глагольная форма. Источник один КО. Во всех языках первая фонема склонна к измене: она либо

может исчезнуть, либо перейти в другую. В македонском ОДИ – ходить, идти; *yuki kou* япн. – ходить, здесь – КО. В английском есть и слово WOLK – от понятия «волочь», в болгарском ВЪРВИ – ВОЛОВЕ – тоже от «волочь», в других языках – от других корней, но они могли возникнуть позднее, при образовании нации.

ХОТЕТЬ – здесь понятия в языках расходятся, так как осмысления этого чувства разнятся. Want англ. – ВО-НОСО – вхождение носить. Θέλετε – *thélete* грч.– желать.

Так образовались генотипы-предикаты ВЕЛО, ВОЛО, КОЛО, КОНО, КОТО, КУЛО, ЛЕПО, ЛОПЕ, ЛОТО-ЛАТО, НЕСО, НОВО, НОСО, НУТО, ПОКО, ПУЛО, СОКО, СОТО-САТО, ТЕНО, СУТО... К ним можно отнести и отдельные слоги ПЕ, ЛУ, ЛЕ.

Генотип ПЕ.

По доисторическому понятию РЕКА – это ЛЕКО. ЛЕ — движение, КО – куда-то. Однако ЛЕ – это лишь течение: отсюда понятия ЛИТЬСЯ, ЛЬЁТСЯ. Но её охраняет БЕРЕГ. ПЕ-ЛЕКО, где ПЕ – «пелена», «пеленка», препятствие. При озвончении ПЕ-ЛЕКО получился БЕРЕГ. Затем абстрагировалось в понятие БЕРЕЧЬ. Берег бережёт реку.

ПЕРЕКАТ – ПЕ-ЛЕ-КАТО. ПЕ – сдерживающее препятствие, ЛЕ – течение, КАТО – катить. ЛЕ «перекатывается» через ПЕ – препятствие.

ПЕТЛЯ – ПЕ-ТЛО, где ПЕ – сдерживающий предмет, ТЛО – неживое тело. Это не значит, что слово выражало всегда «человека в петле», слог ЛЮ означал всё живое, и животного тоже. Чаще такая ситуация была у охотников, когда зверь попадал в петлю. Получается, что понятие «петля» появилось вместе с функциональной особенностью предмета.

ПЕЩЕРА – укрытие человека. ПЕ-СТЕ-ЛЮ. Нам предстаёт тот человек, который мучительно и сложно подыскивал подходящее понятие огромной норе, где человеку теплее, чем на студёном ветру. ПЕЧЬ и ПЕЩЕРА. Схожесть большая и по фонетике и семантике. Но понятия сформировались самостоятельно по функциям и их результатам, а не по внешней схожести, хотя то и другое – для обогрева человека. ПЕ – прикрытие, препятствие СТЕ – постоянно продолжающееся, ЛЮ – человека. СТЕ – перешло в Щ. ПЕСТЕЛЮ, а после ПЕЩЕРА. ПЕСТЕЛЮ – получается такое понятие: «постоянное прикрытие человеку». По-нынешнему – убежище человека. ПЕКО – ПЕ – препятствие КО (ЛЮ) – препятствие огню. Тоже оберег огня.

Только к этому объяснению есть одна ремарка: на наш взгляд, потомки слишком сузили ареал жилищ первобытных людей, сведя всё к каменным пещерам. Судя по расшифровке, это было жилище, но не обязательно каменное. ПЕ – просто защита. Это могли быть искусственные построения самих людей по подобию естественных пещер, самодельные стены с каким-либо сверху покрытием, шалаши, а у входа горел костёр. Подобные «пещеры» только из брезента приходилось наблюдать в горах на бурятских временных стойбищах. Огонь защищал от холода и отпугивал зверей.

УБЕЖИЩЕ – тоже защита. Здесь лучше поставить впереди КО, а вместо Ж – С. КУ-ПЕ-СЕ-СТЕ. КУПЕ-СЕ-СТЕ, где КУПЕ – закупориться, скрыться, СЕ – осесть, СТЕ – продолжительно постоянно.

ПЕЧЬ – укрытие для огня. Что же оберегало ПЕ? ПЕ-ТЕ? По семантике не проходит. Непонятно. Изменим слово ПЕКУ. Здесь выходит новый звук К. ПЕКО! ПЕ – прикрытие, которое относится К – О, к огню. Значит это «берег для огня», прикрытие огня. Чудны твои повороты, лот-язык! Ведь истинно то, что «печь бережёт огонь», «берег бережёт реку». А всё остальное – прилагательно.

ПЕНЬ ПНЁМ. «Сяду на пенёк, съем пирожок». В этом фрагменте народной сказки выдано два секрета образования слов ПЕНЬ и ПИРОГ. ПЕНЬ – ПЕ-НЕ (СО). Таково толкование мало о чём говорит. Откуда слово ПЕНЬ вообще-то?

Учёные споткнулись о пень, и их озарило! Это древнеиндийское слово PINAKAM! (Фасмер). Остаётся только восхищаться гениальности наших предков: все языки знали, даже древ. инд.! Почему же они не сказывали сказки: «Не садись на пинакам!». Вроде как,

самый заурядный трухлявый пенёк иноязычно называли. Наглядный пример «научных» домыслов и вымыслов.

ПЕНЬ – ПЕНЁК. ПЕ-НОКО. ПЕ самый распространённый во всех языках генотип. Здесь в смысле препятствия для НОКО – ног. Также как **БЕРЕГ – ПЕ-ЛЕКО** – препятствие для реки. Только **ПЕЛЕКО** стал **БЕРЕГОМ** – оберегающим, **ПЕНЬ** остался **ПНЁМ**. Чтоб учёные запинаясь... И запинаяются. Даже нынешние. Вот школьный словарь Шанского и Бобровой следом за Фасмером запнулся. Между прочим, **ПЕНОК** – это то же, что и по-нынешнему «пинок», а в те времена: **ПЕ** – препятствие для ног. Своё предназначение **ПЕНЬ** достойно выполняет и в науке. Если в древ. инд. было подобное слово, то все они образовались от общего понятия **ПЕ**.

Съем ПИРОЖОК... Это слово – наглядный пример того, что ласкательно-уменьшительное название было первородным, а **ПИРОГ** – уже более позднее сокращённое слово. В этом слове есть звук **Ж**, который заменял часто **П**. Значит, **ПИ-ЛО-ПОКО**. Почему **ПИ**, а не **ПЕ**? Единственное понятие, которое имело **ПИ** – это «пища», «питание». В этом отличие съедобного – от всего остального. Как видно, древние считали пищу во множественном числе, так как она была разнообразной. Получилось: **ПИ** – пища для **ЛО** с **ПОКО** – покрытием. Позднее **ПИРОГ** – стал отличаться величиной от пирожка маленького. Такое вот развитие получило это доброе имя.

Генотип НОСО.

В древнем языке мы наблюдаем изначальное деление понятий **НЕСО** и **НОСО**. Откуда **НО**? Понятие постоянства заключено в **НОСО** – постоянно носящий, когда **НЕСО** – несущий одновременно. Вот истоки совершенного и несовершенного вида. Академик О. Н. Трубочев в статье, посвященной праславянскому **НЕСТИ**, рассматривает это слово как праиндоевропейскую конструкцию.

Лингвисты не уверены в том, что считать производным: существительное или глагол в однокоренных словах? Вопрос интересный и немаловажный. Как мы уже знаем, существительных вообще не было в праязыке. Они только формировались из понятий. Но и глаголами нынешнего склада древние языковые построения не назовёшь, так как глагол – слово, а не понятие, которое создаёт образ или функциональную особенность предмета. **НОСО** – носящий. **НАСТ** – **НОСТО** – **НОСО-ТО** – постоянно носящий, **МОСТ** – **НОСО-ТО** – постоянно носящий. В дальнейшем от **НОСОТО** отпочковалось **СОТО** – **СТО** и приобрело смысл постоянства, неподвижности: **СТОЛ**, **СТОЛБ**. Как видим, нет предмета, нет существительного, а есть функциональная специфика понятия. Глаголом, сказуемым тоже не назовёшь. Так что праязык – другой язык в грамматической системе. Да, создавая образ понятия, семантика склоняется к действию. И не случайно мнение лингвистов склоняется к начальной глагольной форме. В древних понятиях заложено действие. **МОСТ** сам по себе ничто, если он не носит на себе пешеходов, транспорт. В этом раздел между словом и понятием.

НОСО – постоянно носимое. В этом сочетании звуков затаился глубокий смысл многих слов. Есть в русском, славянском языке в самой активной лексике два слова **МОЗГ** и **МОСТ**. Схожие по фонетике, и, на первый взгляд, разные по семантике. Откуда же внешняя схожесть? На этих двух словах ещё раз убеждаешься в неслучайности созвучий в русском языке. И только вернув им первозданный вид, нащупываешь причину сходства. Снова **М** заслоняет первозвук **Н**. **МОЗГ** – **НОСО-КО** – генетическим кодом становится **НОСО**. **НОСИТЬ** и **НЕСТИ** – эти слова мы можем только сегодня делить на два вида. Но в те времена они несли смысловые нагрузки, чтобы различать: **НЕСТИ ДО КОНЦЕНТРАЦИИ В ОДНОМ МЕСТЕ** или **НОСИТЬ ПОСТОЯННО**. **МОЗГ** постоянно **НОСИТ** мысли, **МОСТ** постоянно **НОСИТ** людей. **НОСО** – мясо, постоянно носим с собой. Птицы несут яйца – **НЕСО**, но одновременно. В этом их семантическое родство и фонетическое сходство и различие.

Предикаты НЕСО и НОСО сыграли немаловажную роль в формировании слов. В языке они часто входили в морфему, становились корнем слова или означали принадлежность к основному значению: ПЕРЕНОС – через препятствие носит.

Находясь на «вторых ролях» в понятии, они становились краткими, теряя гласные: затем С переходила в фонему Т: КОНТИНЕНТ – КОНО-ТЕНО-НОСО – конечный свет носит. От НОСО осталось НТ. В слове HAND англ. – рука. Н – К, А – О, сочетание ND восходит к NT – НС – НОСО, SPIRO лат. – дышать: SPIRANS spirans – дующий: СПИРАНТ – СО-ПЕЛО-НОСО – сопеть носит.

КО-НОСЕ – «к носить», к носке, к ношению. Вполне объективное толкование. Формант НОСО мог стать завершающим в словах греческого языка, который во многих словах имеет это окончание НОС: НЕБО – ΟΥΡΑΝΟΣ – ouranos – ауру носит. Можно считать, что окончание слов во всех языках НТ, НД, – остаток предиката НОСО, так как фонема С чередовалось с фонемой Т, а Т с Д. Предикаты НОСО, НЕСО служили произведению многих слов, в том числе глаголов. Смысловые знаки НОСИТЬ и НЕСТИ, стал корнями этих слов. ГНЕЗДО – КО-НЕСО-ТО – к несению ТО.

Неслучайное созвучие

МЫШ-ЛЕНИЕ, ПРО-МЫШ-ЛЕННОСТЬ, МЫШ-ЦА, МЫШЬ-Ь. Такие разные по смыслу и такие однозвучные слова! Откуда эти однокоренные понятия? Фонетическое совпадение обусловлено единым понятием: НЕСО.

МЫСЛЬ – НОСЕ-ЛЕ, где ЛЕ – движение: нести движение.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ – ПРОМЫСЕЛ – ПОЛО-НОСЕ-ЛО, где ПОЛО – положить, заполнять, НОСО – носить человеком,

МЫШЦА – НОСЕ-КО – носящая что-либо,

МЫШЬ – НОСЕ – носящая, уносящая. Так понятия НОСО обозначило множество смыслов разными словами. И не случайно. Понятие «нести» было одним из самых значимых действий человека. Также, как и НЕСТИ, но как временное свойство, а НОСИТЬ – постоянное.

Генотип НЕСО

При переходе Н в М генотип **НЕСО-ТО** обрёл смысл **МЕСТО**, а СТО стало **СТОЯЩЕЕ**.

НЕСО – нести. Этот генотип в грамматике русского языка называется неизменяемым глаголом. То есть, он не образовался от других слов. И это примечательно. Он действительно идёт из глубины истории языка. Его полное древнее звучание НЕСО. Если разложить на составляющие начального образования этого понятия, то НЕ – не (древнейшая форма отрицания) С-О – с О, здесь затаённый древний смысл «не с воздухом», так как О – воздух, пустота. Значит, человек что-то несёт, не с пустыми руками. НЕСО-ТЕ, где ТЕ – есть ТЕ, то есть нечто неопределённое. При сокращении О получилось НЕСО-ТЕ, а наглядно слово «несёте», не завершённое действие, несовершенный вид.

Есть в нынешнем русском языке два омонима: ЕСТЬ – потреблять пищу и ЕСТЬ – то, что имеется в наличии. Оба они от гентипа НЕСЕ-ТЕ. ЕСТЬ, если есть, что есть, кусать, кушать. А второе ЕСТЬ – то, что есть, а на нет – слова нет.

НЕСУ здесь У – есть сужение, приближение к себе. Получилось личное окончание по нынешней грамматике.

НЕСО-ЛО – здесь нет никакого рода: ни мужского, ни женского, ни среднего. ЛО – человек. НЕСОЛО – несёт человек. Но ЛО отпадает, если не переходит в другой звук. НЕСО остаётся для мужского рода, О отпадает. Однако время делает своё дело: на конце понятия ЛО звук О произвольно переходит в А. Так образуется женский род – НЕСЛА, тогда остаётся атавистическая форма НЕСЛО, названная средним родом. Личные окончания образовались из потребности отличить того, кто несёт: мужчина или женщина. Интересно, что, если даже «несла река», то «рекой несло». Древний человек тонко различал эти нюансы. Так обстоятельство стало правилом. Затем, сообразуясь с личными окончаниями живых существ по аналогии

мужской, женский и средний род обрели предметы и явления неживого мира, что усложнило весь язык.

Генотип ПОКО

ПОКО стал основой понятия ПОКРЫТЬ, отражением свойств предметов и явлений: ПОКРОВ, ПОКРОВИТЕЛЬ. Большую многозначность обрела эта словоформа при озвончении, перехода П на Б. Понятие ПОКРЫТЬ играло большую роль в жизни людей. Кров – основа благополучия человека. Потому ПОКО стало означать главное в его достижениях. Слово БОГ – следствие озвончения и усечения слова «покровитель». ПОКО-ЛО-ВЕТЕ-ЛО – «покрывать человека». Потому слово ПОКРОВ означает покрытие, покровительство. Возьмём близкое слово БОГАТЫРЬ – ПОКО-ТОЛО, где ПОКО – покрывать. ТОЛО – дорога, свойство. Потому и однозвучны два понятия БОГ и БОГАТЫРЬ.

Есть ещё одно слово в этом же смысловом ключе: БОГАТСТВО – ПОКО-ТО-СТО-ВО, где ПОКО – покрытое, ТО – нечто, СТО – постоянно, ВО – входить, приобретать.

СОКО, где СО – совместно, КО – движение. Этот генотип образовал свойство необычного движения: или медленное, или прыжками... Это тоже движение, но другое. Существительного СОК не было, а было медленное движение, отсюда «сочиться». ЛЯГУШКА – ЛО-КУ-СОКО, где ЛО – живое существо, КУ – сужено, СОКО – движется, то есть «прыгает».

Перепрыгнем и мы чуть назад. Рассмотрим некоторые из распространённых генотипов под разными углами.

КОЛО – самый «колючий» генотип. Всё что заканчивается остриём – есть КОЛО, например, ГОРА. Всё, что приносит боль человеку – КОЛО – колоть. Этот генотип имел также значение «огонь» – КОЛО – обжигающий, КОЛО – пахать, разрыхлять. Проявление болезни – колики. В первородном виде генотип сохранился в слове «кол»

КОНО – применяется в значении «порядок» в нынешнем смысле – «система». ЗАКОН – СО-КОНО, с порядком, но КОНЕ-ТО означает КОНЕЦ, завершение ряда. Этот генотип имел большое значение в словообразовании. Первородное понятие сохранилось в слове КОН – ряд.

КОТО – основное значение ХОД, а также, КАТИТЬСЯ, ХОТЕТЬ, ГОД. В первородном виде сохранилось в слове КОТ.

КУЛО – означает нечто суженное, удлинённое, фаллическое: КУЛАК, КУЛЬТЯ, КУЛИЧ, КУЛЬ и т. п.

ЛЕПО – означает созидательное начало ЛЕПИТЬ, ЛЕПКА, КО—ЛЕПОко – хлеб (к лепке). В первородном виде сохранилось в слове «неЛЕПО».

ЛАТО – здесь подразумевается ЛАДОНЬ человека – ЛО-ТО-НО. Как видно, ещё на первых порах образования понятий сочетание ЛОТО перешло в ЛАТО. От него образовались понятия с основой ЛАД – ладить. ТОНО – дно также образовалось от дна ладони. В первородном виде сохранилось в слове ЛАТЫ.

НОВО – НО-ВО означает «снизу вверх» – рост растений, каждый росток – новый. Затем значение понятия распространилось на другие предметы. Понятие превратилось в слово без изменений.

НУТО – всё, что принуждает: КНУТ, ОМУТ, ХОМУТ: КО-НУТО. Сохранился в словах: КОСНУТЬСЯ, ЗАПНУТЬСЯ, НУТРО.

СОТО-САТО – О рано перешло в А, и стало означать САДИТЬСЯ, при озвончении ЗАД, САД. Первозвучие сохранилось в слове СОТЫ, куда садятся пчёлы, откладывая нектар.

СУТЕ – означает «содержимое» в чём-либо: судно, суд. Сохранилось в слове СУТЬ.

ТОЛО – ТО-ЛО. Многозначность проявилась в разных понятиях связанных с деятельностью людей: ТОЛОЧЬ, ТОЛК, ТОЛКАТЬ, ДОРОГА – толока, толковый.

ПУЛО – всё, что раздутое, взрывающееся: ПУЗО, ПУЗЫРЬ, БУРЯ, БУЛЫЖНИК, ПУШКА. Сохранилось в слове ПУЛЯ от понятия ПУЛЯТЬ – бросать

ЛОПО – отсюда слово РАБОТА. Сохранилось в слове ЛОПАТА.

ЛОПЕ – лопаться. От этого понятия произошло слово ЛОЖЬ – ЛОПЕ. поговорка: у лжи короткте ноги. Сохранилось в основе слова ЛОПНУТЬ.

ЛУПЕ – сдирать кожуру, открывать, обнажать, отсюда ЛУПИТЬ – ЛУПЕТЕ, затем сокращённо «бить». ОБЛУПИТЬ – КОПО-ЛУПЕТЕ – всё, полностью облупить.

СТО, СТЕ, СТУ

Звукосочетания **СТО, СТЕ, СТУ** указывали на нечто стоящее, или устойчивое **СТОГ, СТОЛ, СТОЛБ...**; **СТЕ** – постоянно-протяжённое: **СТЕПЬ, СТЕНА, СТЕЛЕТСЯ...** **СТУК, СТУЛ**. Любое слово со **СТО-СТЕ-СТУ** точно попадает в названную семантику.

Чем отличается **СТОЛ** и **СТУЛ**? То и другое сделано человеком для человека: **ЛО**. То и другое имеют устойчивое место **СТ**. Различие только в большом **О** и в сужающем **У**. Археолингвистика демонстрирует бытовые подробности первых людей, создававших язык. Однако на языковом пути часто понятия менялись местами: так в болгарском **СТОЛ** – это слул, что вызвано единым понятием **СТ** – стоящее. Слово **СТУК** отражает нечто падающее и твёрдо «узко» звучащее.

СТОЛ и **СТУЛ**. Как мы знаем, фонетические сращения **СТО** – стоящее вертикально, **ЛО** – сделано человеком. **TABLE** англ – **ТО-ПОЛЕ** – есть вероятность, что здесь выпала фонема **С** – **СТО-ПОЛЕ** – стоящее поле. **Chair** – стул, **stool** – табурет, скамья. **ТРАПЕЗА** по-грч. – стол. Здесь тоже могла выпасть **С**, тогда **СТОЛО-ПЕСО**. **Καρέκλα** грч. – стул: **КО-ЛЕКО-ЛО**, где **ЛЕКО** – к легко, то есть к облегчению, по свойству. **КО-ЛО** – к человеку. **Skamní** грч. – **СО-КОПЕ-НЕ (СО)** с (**КОПО**) задницей нести. Отсюда и слово «скамья».

В болг. и датск. **СТОЛ** – это **СТУЛ**, в босн. **СТОЛ** – **СТО**, **СТУЛ** – **СТОЛИКА**., в венгерском **СТОЛБ** – **oszlop**: **СТЛОП**. В кит. **СТОЛ, СТОЛБ, СТУЛ** – [zhu-ōzi, zhù-zi, yǐzi,] – первые два слова почти одинаковые. В латн. **СТОЛБ** – **post, Stuhl** нем., в серб. **СТУЛ** – **стОлица**. В эст. **СТУЛ** – **tool**.

СТОЛБ (СТОЛП) – **СТО-ЛО-ПО**, где **СТО** – стоящее вертикально, **ЛО** – сделано человеком, **ПО** – площадь, покрытие. От этого понятия произошёл образный эпитет **ОСТОЛОП** – **КО-СТОЛОПО** – к столбу, то есть, подобно столбу. Это слово подвигает понятие **ЛОБ** к **ЛОПО**. Здесь есть их близость. Слово «остолоп» даёт основание считать, что в те времена, когда ещё не было звонких, уже появлялись эпитеты, высмеивающие человеческие недостатки.

Однако понятие **СТО** указывало не только на вертикаль, но и подразумевало устойчивость предмета.

СТЕ – это звукосочетание распространено как понятие постоянно-продолжительно, в одних оно сохранилось до наших дней: **СТЕПЬ**, стена, в други [это сочетание заменено фонемой **Щ**: **СЕЛИЩЕ, КЛАДБИЩЕ...**

СТЕПЬ есть в разных языках. В и.е. языках **СТЕПЬ** сохраняется как единая наиболее древняя словоформа. **СТЕПЬ** – [arava] иврит: отсюда Аравия. **ESTERA** исп. **ДАЛА** казх. – **ТОЛО** – даль. Китайское [píngyuán] переводится как «старый мир».

СТУК от **СТУ-КО** – узкое, суженое звучание. Большое проявление корней **СТ** – это сочетание общезначимо, более раннее. Словарь Фасмера даже эти предметы относит к займам из др. нем., др. прус..., А почему надо сравнивать с лит. **Stalas**? Зачем его обособлять? Все эти прошлые и настоящие вышли из одной колыбели. Не могло такое разное население заимствовать одинаковые корни из какого-то одного источника для простой утвари. Здесь вернее то, что не слова служили названиям предметов, а одинаковые понятия **СТ, СТО, СТЕ, СТУ** и для др. нем., и др. перс, и лит, и всем остальным народам, так как отражали одинаковое свойство «стоять», хотя и разных предметов.

Генотипы охватывали словообразующие элементы, основную роль в этом играли предикаты-слоги **ЛЕ, ПЕ, ТУ, ПА, ТО, ТЕ, ПО, КЕ, ЛО** и другие. По сути это были те же генотипы, они сами по себе имели первоначальный смысл. Генотипы – это уже преддверие слов, их основа, оконтуренная форма слова.

КАЖДОЙ ФОНЕМЕ – СВОЁ МЕСТО

Анализируя древние понятия, следует обратить внимание на одну особенность при «переводе» их на современный язык: древние понятия не только все начинались с согласной, но и заканчивались обязательно гласными О или Е (как исключение И). Мы не рассматриваем подробно внутри позиционные изменения фонем, а исследуем звуки в их «чистом» виде, без влияния соседних.

Язык начинался с предиката или двузвучия (дифтонга), который состоял из первой согласной и второй гласной. Это единство помогло языку стать системой. Первыми предикатами, на наш взгляд, были ТЕ и ТО. С тех пор понятия и слова стали иметь окончания О или Е. Однако конечная гласная оказывалась в основном в слабой позиции и в разговорной речи могла подменяться или гласными А, или И. Например, ЛЕ-КО – река. ЛЕ – литься, КО – направление куда-то, к чему-то. ХОД – КОТО. Когда пришло время письма, то звук О в слабой позиции был утрачен, и чтобы его заменить был придуман Ъ. А окончание Е в ряде слов заменил Ь. Если бы звук О в конце слов сохранился, то, скажем, русский язык мог бы напоминать итальянскую фонетику.

Звук О, например, в слове «железо» – ПЕ-ЛЕ-С-О сохранился не случайно, это не окончание. Здесь звук О – равноправный составляющий понятие, означающий «огонь». То, что льётся с огнём, расплавленная субстанция. Замени другим звуком – и понятие исказится. Также как «олово» – ВОЛО-ВО, где ВО – тоже составляющий предикат.

Все структурные составляющие слова: приставка, корень, суффикс – суть нынешнее деление. В архитектонике древнего понятия с нынешней структурой слов имеются большие расхождения. Составляющие понятий входили в его основу. Только начало и завершение некоторых слов мы можем условно назвать приставкой или окончанием. Так как понятие строилось путём сложения предикатов, то каждый из них был равноправен в структуре понятия, без какого-либо из них семантический образ может не состояться. Например, слово ТОЛК-НУТЬ – ТОЛОКОНУТЕ: здесь ТОЛОКО – толкать, НУТЕ – принудительно. Однако НУ имеет самостоятельное значение, и может входить в другие слова: ПОНУКАТЬ – ПО-НУ-КОТЕ, где КОТЕ – от понятий «ходить», «действовать». Если в первом случае ТЕ – как бы окончание, то во втором ТЕ – неотделимо, иначе останется только сочетание КО, слово потеряет смысл.

Все эти и другие генотипы стали словообразующими, основой корневой системы, способствовали развитию полисемии, а также созданию аффиксов. Система слияния фонем в слоги и слогов в слова практически соответствует теории агглютинации Ф. Боппа [1.С.246]. Взаимодействие разных слогов рождало новые понятия, которые выражали процессы, признаки или функциональные особенности, а не предметы. Слова образовались не по форме, не по цвету, а по свойству. Мы и сегодня, забыв наименование предмета, не просим, например, включить серую штуку или квадратную машину, а просим включить то, чем печатает компьютер. И собеседник точно понимает – принтер. Протолингвистика помогает решить спор: что появилось раньше – имя или глагол? Наверное, дилемма больше соответствует выводу лингвиста А. Л. Погодина: «Язык начинается с синтеза, который не знает ни имён, ни глаголов». (33.С.554). Генотип – это человек без одежды. Во что его одеть с помощью флексий, тем он и будет: рыбаком, землепашцем, воином...

Итак, мы подошли к рубежу, когда образовалось СЛОВО. Пришли к выводу, что вначале появились смысл содержащие, артикуляционные звуки – эмбрионы языка. Они стали его конструктивной семантической единицей, создав своего рода генный код речи. Слоговая система – следующий этап развития языка. Генотипы – предшественники слов. Слово – более позднее образование, устойчивое понятие, закрепившееся за предметом или явлением, вершина развития языка.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ МЕТАМОРФОЗА

ТЕНЬ – ЭТО СВЕТ

Методика возвращения фонем к исходному состоянию подсказывает, что понятие ТЕНЬ породило ДЕНЬ, а НО-ТЕНЕ – «нет тени» образовало НОЧЬ. Изучая разные понятия с корнем ТЕНЬ, приходишь к выводу: изначальная семантика слова ТЕНЬ – это... СВЕТ. ТЕНЬ была как бы его референтом.

Для начинающих людей свет был невидим, а тень – видима. По тени определяли свет-день. Есть тень – светло, день. Болгарский этимолог П. Георгиев установил, что древнеболгарское слово ДЕНЬ означало СВЕТ. Хотя сочетание звуков ТЕНЕ было лишь кодами, протопонятиями. Возможно, у света было первое имя ТЕНЕ. ТЕ не случайно названо местоимением. Оно означало то, что неизвестно, имени у этого неведомого явления ещё не было.

Термин ТЕНО в древности, очевидно, существовал очень долго, так как это понятие становилось многозначным, обрело обширную полисемию и даже стало нарицательным, означавшим самое главное свойство предмета или явления. Это примерно то, что в нашем языке есть устойчивые сочетания: «светлая голова», «ваша светлость», «светильник разума». Это слово по свойству похоже на латинское слово LUKS – люкс, что означало «свет», но перешло в понятие «лучший». Примеры: ДЕНЬГА – ТЕНЕ-КО – отражение стоимости товара; ТЕНГЕ каз., TIEN вьетн. DINHEIRO пртг. DENAR словц., NDEN тайск., ДИНАР – ТЕНО-ЛО – распространённая денежная единица, как в Европе, так и в Азии.

ЦЕНА – ТЕНО – ясность, ЦЕННОСТЬ – ТЕНО-НОСЕ-ТЕ – свет носит (потому два Н); HZINH перс. – цена. Цена – «тень» освещает значимость товара.

ДЕМОС грч. – народ: ТЕНО-НОСО (два НО слились, гаплогогия).

SZEM венгр. – глаз: СО-ТЕНО – со светом.

ВИДЕНИЕ – ВЕ-ТЕНЕ-ЛО, VIDENCE порт. – видимость.

ТЕМЯ – ТЕНО – освещённая «вершина» человека. ТЕМЕННАЯ земля – высоко расположенная пашня [Фасмер].

ТЕМНО – ТЕНО-НО – тени нет, значит, нет света.

ОСЕНИЛО – КО-ТЕНЕ-ЛО – осветило,

СОЧИНИТЬ – СО-ТЕНЕ-ТЕ – с освещением.

ЧИН – ТЕНО – светлость.

ОПТИНА (Пустынь) – КОПО-ТЕНО – средоточие света,

ОТТЕНОК – КОТО-ТЕНО-КО – приближение к свету.

Река СЕНА – ТЕНО – светлая. Предположение, что название идёт от кельтского Siquana, или от праиндоевропейского sak- (священный) – слишком натянуто, это чисто любительская этимология.

ЦЕНТР – ТЕНО-ТОЛО – середина дали, дороги, расстояния; СЕРЕДИНА – СЕЛЕ-ТЕНО – «светлое место». Слово КОСИНА – КО-ТЕНО – к центру, то есть не центр, а требуется перевести в центр. Так образовалось слово «косина», которое потом сократилась до слова КОСО или криво – КО-ЛЕВО – влево. Понятие ЛЕВО означало не направление «влево», а неправильное отклонение от центра.

В некоторых языках корень слова СЕРЕДИНА – «mit», «mid». В итал. это слово – «meta» (отсюда «мета», метить). В норв. дат. «midten», швец. «mitten». Как видим, первая часть «мета, метка», вторая – ТЕНО. В одних осталась первая часть MIT, в других – обе части MIT-TEN

Слово ТЪМА – ТЕНО – в смысле «большое войско» не есть числительное, а означает множество. ТЕМНИК – предводитель большого войска.

Есть основание полагать, что слово ОДИН – КО-ТЕНО – явление одного человека. Отсюда производные: ОДНАКО – ОДИНАКО – ОДИНАКОВО – КО-ТЕНО-КО-ВО – нынешнее «один к одному». ОДИН —КО-ТЕНО – вышедший к свету, высветившийся, ставший числительным.

СИММЕТРИЯ. В древности была приставка SYN. S чередуется с Т, Y с Е, М с N, вторая М с П, R с L... Получаем ТЕНО-РЕ-ТОЛО... свет, знак, даль, расстояние. Переводим на нынешний язык: «светлый» (ясный) знак расстояния. Или середина расстояния. По грамматическим правилам N – H перед губной M перешла в M.

КОНТЕНТ, где КОНО – порядок, конец, основа. ТЕНО – суть, содержание, главное. ТО – отвлечённо, любое.

В старославянском: ИМУТ – имеют, ИМЫЙ – имеющий, ИМЕНИЕ – имущество, ИМЕНИТЫЙ – славный, знаменитый, ИМОВИТЫЙ – богатый. В этих и подобных нынешних словах корень ИМ выражает какую-либо принадлежность или положительное свойство. Откуда-то пришла эта конструкция! Но если М – более поздняя, значит, должна быть Н. В этом ряду слов находится и слово ИМЯ как собственность кого-либо. Заменяем И на Е, М на Н, Я на ЛО. Появится слово ЕНО-ЛО, но нет первой согласной. Ставим Т и получаем ТЕНО-ЛО – свет + человек. «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи». Пушкин часто высвечивает забытые лингвоартефакты. ИМЕНИТ – ТЕНО-НЕСО – свет носит.

АКАДЕМИЯ – ВО-КО-ТЕНЕ-ЛО – букв: «входить к свету человек».

ЕНОТИКОН ст. слв. – писание. ТЕНО-ТЕ-КОНО – свет, тем, окончательный порядок – несущий всем свет жизненного распорядка.

КОНТИНЕНТ, где КОНО – конечное, ТЕНЕ – свет, НТ – НОТО – НОСО – носит. Конечный свет носит. კონტინენტი – k'ont'inent'i груз., [kontinent] – идиш. В языках осталось прежнее понятие «Старый свет», а по аналогии «Новый свет».

JORDEN норв. – земля, где DEN – ТЕНО.

ТИН – этрусское слово означает «солнце», а также «верховное божество». ТЕНО – свет, солнце.

ОДИН – скандинавское верховное божество ОДИН – КО-ТЕНО – к свету, солнцу. По норманнской мифологии Один разделил день и ночь. Если допустить, что в египетском языке в слове АТОН произошла замена Е на О, то египетское божество тоже от понятия ТЕНО – КО-ТЕНО.

Известная «группа Дятлова» шла к горе, которая на языке манси называется Отортен, и считается святилищем. КО-ТОЛО-ТЕНО можно перевести как дорога к святому месту или к священному месту.

Библейское слово ЭДЭМ имеет разные окончания на Н и М, но в латыни – ЭДЭН – КО-ТЕНО – светлое, особенное, райское. Многие слова, оканчивающиеся на ТЕНО, отражают особенность субъекта: ПАЛЕСТИНА – ПАЛЕ-СО-ТЕНО – пал, жар и свет.

Можно предположить, что английское thank и немецкое danke произошли от ТЕНО – пожелание света, светлого дня.

ПРЕЗИДЕНТ – ПЕЛЕ-СЕ-ТЕНО-ТО – ПЕРЕ-СЕТЕ-ТЕНО – впереди, сидеть, лучший. «Светлость, сидящая впереди».

ДЕНИСОВА пещера – ТЕНЕ-СО-ВО – главное место, приют, СО-ВО – с входением.

В переписке с лингвистом К. В. Бабаевым возник вопрос: откуда слово ЗИМА? Есть резон предположить, что это древнейшее слово. Если его перекодировать, то получится СЕНО, С на Т – ТЕНО – светлая, белая, где цепь замен: З-С-Т, И-Е, М-Н, А-О – все в соответствии с общим правилом перекодирования.

Откуда в языках знойных стран: др. инд., эвст., греч. – слово ЗИМА? Возможно, «светлая», «белая» – были общим понятием. Так в шумерском письме знак «солнце» означал свет, тепло, день, белизну. Миграция таких слов говорит о едином источнике понятий. Ни одно

слово не упало из небытия, как снег на голову. У каждого есть своя родословная, своя родня. Не исключение – и слово ЗИМА. Если оно сохранилось во всех балто-славянских языках без заметного различия, то, значит, оно старше всех, выходит, что оно отражает какую-то древнюю значимость, которая была для всех одинаковой.

Но могло ли слово остаться совсем неизменным тысячи лет? Конечно, оно подверглось общим закономерным изменениям. Первая фонема З – результат озвончения согласных. Предшественником этого звука могла быть архифонема С из базисного слоя лексики. Вот примеры ЗИМА – ТЕНО. Это слово в древности означало ДЕНЬ, СВЕТ, БЕЛИЗНУ. Оно отражает природное свойство не по качеству погоды, а по общему признаку, который мог быть изначально в общем языке, оно подтверждает теорию балто-славянского единства С. Старостина, вопреки мнению Бодуэна де Куртенэ, Мейе и других.

χεῖμώνας, χιόνι [cheimónas, chióni] грч. – зима, снег.

[khoref, kar] иврит – зима, холод; winter, snow, white [wintə, snəʒ, wait] англ. – зима, снег, белый.

Разберём по составляющим слово WINTER, если nt – НОСЕ, далее ЛО, тј в корне остаётся whi. В слове white – белый – тоже whi. Тогда ВЕ становится корнем, ставшим общим для понятий ЗИМА и БЕЛО. Но последняя словоформа со звонким Б, тогда БЕЛО есть ПЕЛО, а это «пелена». Такое переплетение понятий. Это ведёт в глубь языка. Виртуально смысл превращается из «белого» цвета в понятие ПЕЛЕНА. Появляется доказательство, что видение «белого» цвета образовалось из ПЕЛЕНЫ. Так же, как в слове БЕРЁЗА – ПЕЛЕ-СО, БЕРЕСТА – ПЕЛЕ-СТО – пелена. От понятия ПЕЛЕНА вышел цвет БЕЛЫЙ. Откуда ВЕ? Есть смысл, так сказать, перепонять древние метаморфозы. Фонема В заменила П. Тогда всё сходится: ПЕ и здесь играла знаковую роль: ВЕ-НЕСЕ-ЛО – ПЕ-НЕСЕ-ЛО. И здесь мы снова встречаем «перереформирование» типа ВАВИЛОН, БАБИЛОН, ПАПИЛОН. Это снова блуждающая фонема В: Б, П, Ф. Подтверждает утверждение кибера, что В – есть фонема по обе стороны глухо-звонкого барьера. ЭТИМОЛОГИЯ – КО-ТЕНО-ЛОКО-СО – к свету слова, ЛОГОС грч. – слово, разум, истина. Из этого предиката можно установить, что генотип ТЕНО возник раньше многих других и приобрел другое осмысление: всё лучшее, всё отличное, всё особенное, глобальное стали отличать этим словом, также как латинское слово ЛЮКС – свет, понятие ТЕНО стало нарицательным. Понятие ТЕНО – уникам в истории языка. По нему можно судить о возникновении слов на далёком расстоянии от письменности. Так в этрусском тексте «CEN-ZIC...» начальное слово Вячеслав Иванов перевёл как «Это» (под вопросом), следующее ZIC – писать: текст – ТЕКО-СТЕ – текущее постоянно. Но местоимения ЭТО не могло быть в те времена. CEN – это ТЕНО – свет, содержание. Эту часть текста лучше прочитать не «Это», а «Содержание (свет) текста, письма,,». До нас дошло понятие «освещение» как доведение до сведения, объяснение в письменности. То есть ещё далеко до письменности понятие ТЕНО уже было нарицательным во всех языках.

СВЯТАЯ ИСТИНА

Маленькая этимологическая история – 1 вариант. Мы по-разному истолковывали слово ИСТИНА. Было и ПИСТЕНА – написано на стене и другие предположения. Но истина оказалась рядом: первый предикат был НЕ. ИСТИНА – НЕ-С-ТЕНО – не с тенью – вот истинное происхождение этого мудрого слова. Истина – это «ясно, как божий день». У ИСТИНЫ не должно быть ТЕНИ – вот мудрость предков, доставшаяся нам по наследству как самое дорогое из всех слов и понятий. Только истина должна править миром, тогда не будет никакой тени в нашей брэнной жизни.

2 вариант. Так мы считали, по-своему истолковывая это слово. Не скрываем своих заблуждений, и раскрываем все секреты поиска этимона. На самом деле мы не учли, что ТЕНЬ – это по-древнему ДЕНЬ, а не тень. Тогда получается обратный смысл: НЕ С ДНЁМ, НЕ СО СВЕТОМ? Фонетика нас подвела. И, наконец, пришли к истинному толкованию древ-

него понятия: **НЕСО-ТЕНО – НЕСУЩАЯ ДЕНЬ, СВЕТ**. Пришли к тому же, но уже не окольным, а прямым путём. Несущая день, свет – это и есть истинная **ИСТИНА**.

Словарь Фасмера посвятил целую страницу слову «истина», «истый». Пересказать трудно, лучше прочитать. Но вся эта мишура так же далека от истины, как понятие: дважды два – стеариновая свечка.

ФЕНОМЕН ДВУХ ЯЗЫКОВ

Сопоставляя древнейшие понятия, наталкиваемся на единую платформу двух языков. Обнаруживаем феномен латинского и русского. Абсолютно тождественна метаморфоза с латинским словом ЛЮКС, которое несло понятие СВЕТ, но теперь мы знаем его как нарицательное понятие ЛУЧШИЙ. После замены в слове ЛЮКС – К на Ч, С на Ш получаем ту же превосходную степень ЛУЧШИЙ от понятия ХОРОШИЙ.

Феномен не только в тождестве слов ЛЮКС и ЛУЧШИЙ. А в том, что здесь наглядно единство в развитии семантики языков на разных широтах. В русском ТЕНО – свет, ставший нарицательным в разных словах, отражающих качество предмета, в латинском ЛЮКС – свет, ставший тем же. Каким образом в двух разных языках переплелись единые понятия, латинское слово ЛЮКС от понятия «свет», уже ставшее нарицательным, превратилось в русское ЛУЧШИЙ с тем же понятием? Загадка исторической лингвистики.

Ни в одном из славянских языков нет фоноформы ЛУЧШИЙ как понятия сравнительной или превосходной степени качества. Только в русском. В других славянских языках или «НАИДОБРЕ» или «ЛЕПЕ». Слово ХОРОШО тоже – монополия русского. Правда, в греческом нечто похожее КАЛА, КАЛ'УТЕРО – хорошо, лучше. КАЛА – КОЛО-СО – хорошо. Заимствование? Но как? Эти понятия не от предметов, они абстрактные. Чисто славянское ЛЕПО – хорошо. В некоторых славянских есть слова с корнем ЛУЧ, но означают они понятия «бросать», «попадать», как видно от понятия ЛУК – оружие. Есть в грузинском КАРГИ – хорошо, КОЛО-КЕ... Можно назвать общность лексем взаимовлиянием. Но кто может убедительно доказать, что ЛЮКС в русском языке, ставшее ЛУЧШИМ заимствованно, а не атавизм общего языка? Не гипотезой, а на основе типологии или других доказательств.

Продолжим исследование в этом направлении. Слово ЛУЧШИЙ в латинском OPTIMUS. Расшифруем нашим методом: КОПО-ТЕНО-УС, где КОПО – скопление, ТЕНО – свет, УС – латинское окончание. СРЕДОТОЧИЕ СВЕТА. ТЕНО находим в латинском доисторическом языке, то же, что и ОПТИНА (пустынь) – средоточие света. Отсюда и понятие ОПТИМАЛЬНО.

Если ТЕНО означал «свет», то откуда слово СВЕТ? Очень закручен сюжет происхождения и бытования этих двух слов.

Во всех славянских языках «свет» – существительное имеет форманту СВЕТЛО. В русском это категория состояния. В слове СВЕТ, как видно, ЛО утрачено. Потому «большинством голосов» признаём начальное существительное СВЕТЛО, так же как слово ВЕСЛО. Понятия исходили из свойства предметов и явлений. В общеславянском СВЕТИЛО – источник света. Тогда СО-ВЕТЕ-ЛО. ВЕТЕ – возврат, ЛО – человек. Если создать из этого сочетания семантическую конструкцию, то получится примерно такая: с возвращением человеку. Возможно и другое толкование. Человек появлялся тогда, когда становился виден. Когда он выходил из мрака пещеры, из тени на свет, свет возвращал человека. Круговорот света означал его возвращение. Свет появлялся не только с восходом солнца, но и при добывании света человеком.

Есть предположение, что слово ТЕНО возникло раньше и приобрело несколько другой смысловой оттенок: всё лучшее, всё отличное, всё особенное, всё особо значимое стали отличать этим словом. Тогда, как СВЕТ обрёл конкретику. В греческом ЛЮКС – σοῦίτα – SOUITA – СО-ВЕТА – СВЕТ. Эта фоноформа даёт основание назвать ЛЮКС – это СВЕТ. Выходит, что СВЕТ не только славянское слово, оно возникло на ранней стадии общего языка. Или снова заём?

Понятие ТЕНЕ как СВЕТ есть только в венгерском FENY, понятие ОГОНЬ есть в ирландском TINE, яванском – GENI, в шотландском TEINE. Со временем понятие ТЕНО – аналог света стало самостоятельным. СВЕТ обрёл нынешнее имя. При озвончении понятие ТЕНО – стало ДЕНЬ, а ТЕНЕ ушла в тень. НО-ТЕ (НЕ) – нет тени-света, ночь. Однако в праязыке,

в прибалтийских и других (Фасмер) слово НОЧЬ с корнем «nokt». Здесь возможна семантическая дивергенция от понятия НО-КОТЕ – не ходить (главный признак: ночью, спят, а не ходят).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.